

Сергей Александрович Разбоев

Воспитанник Шао.

Том 2. Книга судеб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25918172

Аннотация

Вторая часть трилогии «Безумие истины». Острая борьба между монахами тайного общества «Белый Лотос» и сотрудниками спецотделов ЦРУ и Китая продолжается. Главный герой книги бесстрашный Рус, снова находится в самом центре событий. На каждом шагу его подстерегают смертельные опасности и несметное количество врагов. Сможет ли опытный боец Рус на этот раз с честью и достоинством выбраться из суровых передраг? С самого рождения обстоятельства против него..

Содержание

Часть I. Долина смерти	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Глава седьмая	38
Глава восьмая	43
Глава девятая	49
Глава десятая	56
Глава одиннадцатая	63
Глава двенадцатая	72
Глава тринадцатая	78
Глава четырнадцатая	82
Глава пятнадцатая	90
Часть II. Приют	96
Глава первая	97
Глава вторая	106
Глава третья	112
Глава четвертая	118
Глава пятая	124
Глава шестая	128

Глава седьмая
Конец ознакомительного фрагмента.

142

147

Часть I. Долина смерти

Глава первая

Гнетущие, плавленные волны дикого океана с бешеной яростью налетали на борт корабля. Разбивались об его стальную обшивку, разлетались свинцовыми брызгами, уступая место новой свирепой волне, которая с таким же фанатичным усердием молотила по корпусу. Свежий ветер порывисто и мощно гулял по бескрайним просторам беспокойного океана. Собирал новую рать волн и гнал их ровными шеренгами на одинокий лайнер, песчинкой затерявшийся в тоскливой зелени неприветливой водной стихии. Низкая мокрая туча крылатым демоном заполняла горизонт, и темная пелена надвигающейся грозы недвусмысленно указывала на опасную бурю. Резко похолодало.

Хан Хуа с внутренним торжеством глядел на пенящиеся волны разгулявшегося океана. Он любил дикую вакханалию природы. Ему полнее думалось при грозе, буре. Жилистые пальцы цепко держались за поручни, и он как бы сливался с темным силуэтом корабля, являя собой декоративную пристройку лайнера. Но шторм проходил стороной. Яркие вспышки молний часто освещали темень над горизонтом.

Небо на востоке светлело. Скоро живые лучи солнца стали настойчиво пробиваться сквозь поредевшую завесу далеких облаков.

Вдали, в сизой дымке занимающегося утра медленно выплывали белоснежные кварталы великолепного Рио-де-Жанейро. Над ним неожиданно и одиноко высился огромный скальный монумент Христа-Спасителя. Но экзотические дива приближающейся страны нисколько не привлекали взор молчаливого монаха. Его усталые глаза что-то пытались рассмотреть на далеком берегу. Но, с каждой сокращающейся милей, понимал: того, что хочет, не увидит. Мысли его упрямо возвращались, напоминая тревожные слова настоятеля о том, что брат Рус замечен в совместном участии в силовых актах с местными группировками сопротивления. Донесения о погибшем связнике, труп которого обнаружили монахи Гонконга, подтолкнули старейшин монастырей к решению забрать Руса из Америки. Тело погибшего было вытасчено из воды полицейскими в английской колонии. Это ставило новую задачу: как там оказался монах, путь которого никак не мог проходить через английский остров. В настоящее время группа Карающего Глаза кружила по Гонконгу и прилегающей местности в надежде отыскать кое-какие следы. Его, Хан Хуа, отправили забрать Руса, подозревая, что некоторые определенные силы настойчиво и опасно охотятся за русским братом.

Третий год пошел с того времени, когда брат Рус вто-

рой раз покинул Срединную. Все было спокойно и буднично. Даже в Поднебесной политическая обстановка неопределенности постепенно сменялась хроническим безразличием, каким-то летаргическим смиренным выжиданием. Мао продолжал тихо дряхлеть, и все бойкое чиновничье войско громадной страны, лукаво потупя глаза, молчаливо ожидало счастливой кончины Великого и Единственного. Чтобы потом, по мере определяющейся политической ситуации, потихоньку вытаскивать страну из того экономического болота, в которое она с шумными лозунгами и непомерными амбициями мужественно маршировала на протяжении всего правления неповторимого Мао. Кроме грусти и обиды ничего не оставляли эти годы в униженной памяти народа. Обнищание коснулось поголовно всех. И даже высшие слои номенклатуры были недовольны тем положением, которое имели. А главное, тех привилегий, которые должны были иметь согласно занимаемому месту в государственных кабинетах.

Хуа встряхнулся. Его несколько не интересовали политические проблемы, и он снова перекинулся мыслями к Русу, монашеским делам. Крепко укоренившиеся банды «Синих фонарей», «Зеленого круга», а также шанхайского кемпо были изрядно биты и разогнаны. «Триады» не вмешивались в дела чужой вендетты. «Черный лотос» канул в лету со своими сверхамбициозными главарями. Спецслужбы Китая усердно трудились на бюрократических фронтах. И вот после гибели связника, Ван утверждал, что только спецслужбы

США могут продолжать отстаивание своих интересов в тибетском регионе. Но кто конкретно? Это следовало выяснить в самые ближайшие сроки. Маккинрой, по имеющимся сведениям, ездил, вроде бы как торгашествовал. Динстон тоже ездил. Хотя должен усердно бубнить лекции в Вашингтоне.

Настоятель Дэ требовал восстановить надежную связь с Южной Америкой. Найти, откуда исходят угрозы.

Хуа по новому всмотрелся в белые кварталы уже близкого Рио, пенящиеся буруны за кормой, на своих монахов сопровождения, стоящих в отдалении. Махнул им рукой, и они, неслышно ступая, исчезли в каютах.

Берег Южной Америки был приветлив, красив, мирно счастлив и спокоен.

Глава вторая

Пекин. Пасмурно. Мелкий нудный дождь.

Дунсяо-мансян.

Скромный кабинет с деревянными стульями, старыми столами. Знакомый нам генерал с теми же внимательными глазами и вдумчивым выражением взгляда.

Глубоко вздыхая и по-отечески глядя на непослушного полковника, с глубокими нотками иронии в голосе старательно выговаривал:

– Переусердствовали, друг мой, вы с американцами. Что это у вас какая-то необъяснимая патология к ним? К чему это? Не хочу верить, что вы на кого-то пятого работаете. В министерстве иностранных дел вежливо намекают отстранить вас на время от текущих дел операций и контактов с янки.

Чан, нисколько не смущаясь под обиженным напором начальника, привычно стоял у сейфа и холодно созерцал большущий портрет Мао за спиной шефа.

– Если просят и просят достаточно вежливо, значит, где-то мы и перебрали. Я готов, временно, во имя родины отложить текущие дела по американцам.

Генерал медленно стянул очки с покрасневшего носа, внимательно посмотрелся в подчиненного.

– Что это вы вроде бы как сдаетесь. Непохоже на вас. В чем дело, милейший?

– Монахи «Лотоса» зашевелились. Появилась возможность выйти на Руса.

– Это того, неудавшегося агента?

– Если мы об одном думаем, то того.

Хозяин про себя иронично усмехнулся, но подчиненному своих сомнений не показывал.

– Разве нам сейчас это нужно?

– Если я не нужен управлению, то хоть с пользой для будущего смогу съездить в Америку.

– Быстрый ты, дорогой товарищ Чан. – Генерал продолжал, покачивая головой, смотреть на полковника, как на очень далекого родственника. – Раз, и, если не в дамки, то на другую доску. Молодец. И хитер. Без опасных интриг не можешь. Меня не жалко?

Добрая душа полковника даже дрогнула в голосе.

– Я ненадолго.

– Тебе не думается, кадровый отшельник, что нахожусь я еще здесь только потому, что большинство в правительстве чиновники моего возраста. И тебе должно быть не к лицу оставлять меня перед лицом кадровой опасности.

– Товарищ генерал, мой отъезд только успокоит ваших недругов. Полковник Линь присмотрит за ними.

– Да-а. Одна надежда на старые кадры. – Шеф уже не смотрел на подчиненного. Выбрал из стопки папок нужную.

Брови его деловито сошлись на переносице.

– Полковник Чан, есть приказы и их нужно выполнять. В Шанхае вы не имели никаких инструкций относительно американской группы съемки кино.

Чан мгновенно перестроился.

– Если бы мы признавали инструкции, квадратный Динстон сидел бы здесь и давил бы нам на уши. А так он за деньги американского налогоплательщика старательно издевается над послушными кадрами Великой Америки.

– Ну, ты немец. Чем же ты лучше Динстона?

– Моя амплитуда прогиба спины гораздо меньше заокеанской.

– Ты, как был невыносим, таким и остался. – Генерал мучительно сморщился, прокашлялся в платочек. – Нехорошо ты делаешь. В Гонконге, в заливе, что произошло?

Чан миролюбиво и очень отвлеченно заулыбался.

– Там, наш хороший знакомый, уважаемый Ван, со своими корешами скандальный дебош устроил. Я был совсем в неведении того, что он вообще может оказаться в английской зоне. Группу майора Споуна легонько потрепали. Где сошлись их дорожки, не знаю. Но Споун оказался достаточно благоразумным и вовремя ушел из-под удара. Меня не в чем упрекнуть: там своя полиция, свои спецслужбы.

– Ай-я-яй. Опять ты не при делах. Эти оперативные сказки я от тебя двадцать лет слышу. Можешь рассказывать их кому-нибудь другому, или когда я уйду на пенсию. Я на те-

бя, брат Чан, крепко надеялся. А ты меня, доброго старика, не учел.

Полковник понял, что можно присесть за стол и, преданно глядя на шефа, добросовестно лукавил:

– Несносный Ван опередил нас и кое-где даже обманул. Если бы американцы обратились к нам за содействием, разве я отказал бы. Споун хоть и невелика фигура в американских рядах, но я его более уважаю, чем Динстона.

– А что это вы, государственный чиновник, все принимаете на личные симпатии: хочу люблю, хочу нет. В народные диктаторы метишь: бюрократический деспот. Точно тиран. Взятки берешь?

– Только мелкими купюрами.

– М-да. Наверное, я тебя все же отстраню на время. Что-то бесовское в тебе появилось. В "Ночном драконе" что произошло?

– Стреляли.

– Знаю. Сорок человек убито.

Чан непроизвольно изменился в лице.

– Сорок?!

– А ты сколько думал?

– Думал меньше.

– Так что там было? И не думай мне лгать, все равно на чистую воду выведу.

Полковник нейтрально пожал плечами.

– Наверное, старые грешки. Монахи наказывают группи-

ровки, которые выступили против них в семидесятом. Ван исполняет.

Генерал пожевал губами, повертел нервно головой.

– Управы на них нет. Этому архару Вану под девяносто.

И хворь его никакая не берет. Что он пьет?

– Энергия в нем мощная.

– Да не энергия. Кровь, наверное, пьет чужую.

Чан уже вдохновенно расслабился, небрежно махнул рукой.

– Может быть: если сорок человек в Гонконге постреляли.

– Ты меня не поддевай: молод еще.

Генерал беззлобно показал подчиненному тощий кулачок.

– Нехорошо. Я старый человек, плохо переношу смерть.

Но Чан продолжал оперативно философствовать.

– Чисто по-человечески они правы. Распоясались не монахи. Банды под вывесками всяких там «Триад» переходят все границы условности. Закон для них уже не становится преградой.

– Что ты мне гнусишь, уважаемый. Или я меньше твоего знаю, кто больше попирает законы: банды или твои любимые братья-монахи. Одним можно убивать, потому что они хорошие. Другим нет: потому что они загодя уже преступники.

– Если бы закон надежно защищал конституционно всех, монахи не брались бы дружно за оружие. Их трудно поднять на вендетту. А так, – полковник по старой привычке оглянулся на дверь, – кто может и умеет, тот всегда защищается.

– Слушай, вольнодумец, все-то у тебя свое на уме. Думается мне иногда, что ты не второй, так третий человек в государстве.

Полковник нагнулся к своим бумагам, но дьявольская улыбка не сходила с его хитрого лица.

– Что ты там хихикаешь, неблагодарный. Не прячься от судьбы.

– Я думал, что вы об этом и так знаете.

– О чем?

– Ну-у, о том, что я далеко не последний товарищ в Поднебесной.

– Смотри мне, не последний. Доиграешься. Теневой в постели, так теперь никого не боишься.

– Нет, почему же. Потому и стремлюсь на время в Америку, чтобы после свежо и непредвзято взглянут на свою любимую родину.

– Болтливый стал. Через неопределенную клеточку будешь созерцать небо любимой родины. Ну, хорошо, брат Чан, отдохнул на бюрократическом стуле, теперь честно отвечай: почему в Америку хочешь?

– Накоплены сведения. Агентура из Южной Америки докладывает, что в рядах демонстрантов замечен боец, который ловко рушит полицейские шеренги во время беспорядков.

Шеф недоверчиво покосился на посерьезневшего подчиненного.

– Ну и что? И ты сразу решил, что это монах.

– Не решил. Хочу проверить. И от монахов ШАО Хан Хуа спешно отправился в Америку.

– Точно в Америку?

– Точно.

– Тебе не кажется странным: монахи спрятали Руса и, ду-
мая, постарались сделать все возможное, чтобы брат их как
можно дольше оставался в тени.

– Вот это мне и кажется самым странным. Не иначе, как
осмысленные интриги господина Динстона продолжаются.

– Факты есть?

– Нет. Просто интуиция подсказывает.

– Один поедешь?

– Хочу просить майора Вэна с группой.

– Много хочешь. Одному скучно. Только твоя команди-
ровочка в такую юаньку влетит, что на прочие операции в
Управлении денег не останется. Поедешь один. Скромно.
Пиши мне письма почаще. А там подумаем.

– Еще вопрос, товарищ генерал.

– Ну?

– Мне нужен подробный отчет всех передвижений Дин-
стона, его команды за последние два года.

– К вечеру получишь. Но зачем тебе это?

– Старые сомнения все душу грызут: не монах был нужен
американцам. Слишком они в семидесятом быстро отступи-
лись от него и дешево решили ликвидировать.

– Ну и что с этого. Не вижу связи.

– Хочу проанализировать. Может быть, что-то найду в прериях и предгорьях Америки.

– А что именно сейчас тебя тревожит?

– Наверное, следовало бы восстановить все передвижения американских лиц в районе Тихого океана.

– Ты что, студент? С преподавательской кафедры свалился? Где это можно такую информацию достать? Мы этим не можем заниматься. Да и к чему тебе это?

– А вот американцы за несколько минут восстановили бы все необходимые сведения. У них непревзойденно мощный информационный аналитический центр.

– Не скандаль. Все тебе не так. Твои какие интересы в этом?

– Высокие чины янки там что-то имеют.

– Конечно, имеют. А почему им там их не иметь? Странно ты рассуждаешь для государственного чиновника международного масштаба.

– Можно, когда я вернусь из Латины, попробую на этот счет что-нибудь более логичное подготовить, нежели интуитивные домыслы.

– А сейчас?

– Сейчас я не готов. Просто размышления. Нужна свежая достоверная информация по передвижениям. Тогда можно сконцентрировать нужные данные.

– Что-то ты мудришь неестественно. Тихоокеанский ре-

гион: это же такая громадная территория: удаленность, малолюдность, дикость. Что ты там смог разглядеть?

– Динстон и Маккинрой имели много связей с различными преступными группировками. В последнее время эксперт побывал в Индонезии и снова якшался с бандами. Зачем ему это?

Генерал некоторое время, раздумывая, смотрел на Чана. Потом встал, подошел к карте. Долго изучал ее, обернулся.

– Может быть, в чем-то ты и прозорлив. Не буду мешать. Хотя за нелегальную слежку следовало бы тебе уменьшить оклад. Но..., ладно. Забирай Вэна, только одного. Докладывай чаще. Динстон тоже не дурак. Против тебя у него имеется долгоживущая злоба. Может быть ты и прав. Ступай.

Глава третья

Мертвый иссушающий зной адской жаровней давил на долину. Неподвижный раскаленный воздух ломал волосы, травил мысль, лишал радости существование. И вселенская тишина: бесконечная, давящая, уничтожающая.

Маленький, временный лагерь с политзаключенными, без бараков для самих узников, находился почти в центре означенной долины.

Время было к полудню. Час, когда все, кто мог, прятались от удушающего зноя в тень и торопились отоспаться перед ночным холодом. Охрана лагеря "настороженно дремала прямо на вышках. Никто ее не тревожил. В такой ужасно мертвый для всего живого час у кого окажется достаточно сил пытаться бежать за колючую проволоку. В эти тяжелые минуты движение нормальным шагом требовало больших усилий и еще большей силы воли. Свободные от службы солдаты находились на первом этаже двухэтажного здания. Здесь имелись вода, постель, живой благоухающий комфорт. Все они сладко спали, широко раскинув ноги на кроватях. Сами же обреченные заключенные, накрыв голову тряпьем, лежали вповалку, бессистемно, на самой земле. Уснуть им было трудно. Но, несмотря на все это они, дремно забывшись, пробовали спать. Только душное марево воздуха мед-

ленно парило к небесам, рисуя коварные миражи для усталых путников.

...Рус сидел у окна в кабинете, пространно уставившись за ограду в даль долины. Спокойствие его дней прекратилось, когда он, уступая настойчивым просьбам местных левацких оппозиционеров, согласился принять участие в освобождении заключенных этого самого лагеря. Вернее, попытки освобождения. Сейчас он находился на втором этаже казармы в кабинете заместителя начальника лагеря. Хозяин кабинета, умело вышколенный садист с манерами штабного генерала, валялся на полу за сейфом с несколькими пулевыми отверстиями в голове. Монах следил за часами. Рус пространно сидел. И отдаленно, цепляясь за факты известного, думал: подставили его или просто план операции, утвержденный руководством, провален. Как его инструктировали: после оформления телохранителем начальника лагеря, будет спровоцировано внешнее нападение на лагерь. Цель всей этой акции привлечь внимание прессы к террору и насилиям, творимых в Парагвае. Монах должен был задержать преследователей, но возможности пустить их по ложному следу.

Все должно произойти в течение буквально считанных минут. Но машина, в которой провозят продукты и в которой сейчас должны находиться боевики, уже долго стояла на территории лагеря. А по плану боевики должны обстрелять охрану ворот и мчаться обратно. Рус специально находился в кабинете зама, откуда был очень удобный стратегический

обзор ворот, территории лагеря и всех вышек охраны периметра. Заместитель начальника вошел в кабинет с пистолетом, направленным на монаха. Офицер резонно рассчитывал впечатлительно поиграть на неожиданности положения. Но он не знал прошлого Руса. И когда через доли секунды голову зама пронзили пули, ему не нужен был никакой отчет о проделанном.

Время шло. Рус не знал, что делать. Начинался самый солнцепек. Предстояло самому решать, как уносить ноги. Наконец он увидел вышедшего из машины шофера. Тот показал дежурному бумаги и направился к казарме. Монах узнал в шофере Педро: одного из организаторов подготовленной акции. Внешне мулат был спокоен, но бледен. Рус встретил его в коридоре. Тот, оглянувшись, быстро затараторил: – Решено уничтожить охрану лагеря. Освободить вконец измученных заключенных. Сначала нужно убрать солдат на вышках.

Монах в упор посмотрел на Педро, пытаясь понять: шутит тот или нет.

– Идем скорее, – торопил мулат, – мы должны, пока все храпят, ликвидировать посты на вышках, потом в казарме.

В кабинете, увидев распростертого на полу офицера, активно взбодрился.

– Начало положено. Теперь отступать в любом случае некуда. Как ты рассчитываешь провести ликвидацию охраны.

– Я ничего не рассчитываю, – сухо ответил Рус – План должен быть у вас.

– Приказано действовать по обстановке.

– Обстановка не менялась. Почему изменился план? – Уже холодно и неприязненно бросил монах.

– Ты что, боишься? Меня уверяли, что ты лучший стрелок в округе.

– А вы?

Рус больше не смотрел на авантюрного мулата.

– И мы тоже каждодневно тренируемся.

– Смотри, – монах показал на охранника на вышке.

Тот безмятежно зевал, облокотившись плечом о стойку. – В него попадешь?

– Далековато, – честно признался мулат.

– А он в тебя не промахнется. И все солдаты, которые сейчас не подозревают о ваших приготовлениях, вскочив с постелей, перестреляют вас, как кур во дворе.

– Ты меня не пугай! – с вызовом бросил Педро. – Я приехал умереть, но дело сделать.

– Зачем же здесь? В Асуньоне тоже есть тюрьма: умирал бы у ее стен.

– Слушай ты: кто ты там. Мне сказали, что ты можешь один всю охрану перестрелять. У тебя что, в голове обойма кончилась?

– Скажи спасибо судьбе, что начальника нет. Он вашу машину еще на подходе расстрелял бы. Того с ходу не возь-

мешь.

– Все тщательным образом продумано и подготовлено. Начальник специально вызван в город. И мы, пользуясь созданной возможностью, решили атаковать охрану. Нам надо не базары разводить, а думать, как все грамотно проверить.

– Сколько людей в машине?

– Вот это другой разговор. Таким я и представлял тебя в деле. Один в кабине сидит, шестеро в кузовной будке.

– Возьмешь гранаты. Они в шкафу у сейфа. Первым делом забросаешь радиста в комнате в конце коридора направо.

Педро слишком уж охотно подскочил к ящику, отодрал крышку и начал распахивать гранаты по карманам.

– Не торопись. Я скажу, когда надо действовать.

Рус открыл другой шкаф, взял снайперскую винтовку. Подготавливая ее, отвлеченным голосом радиодиктора наставлял Педро.

– На рацию две гранаты. Потом молниеносно на первый этаж. Уничтожаешь растерянного дежурного. В помещение с солдатами три гранаты. Раскатывай их лежа. Берегись осколков. На это тебе отпускается не более девяти секунд. Дальнюю большую комнату с основной массой охраны начинай с двери, так как охрана очухается за это время от сна и будет баррикадировать вход. Если они осмелятся выскакивать в коридор, не жалей гранат, загоняй их снова в комнату. Окна должны блокировать твои люди в машине. Если они конечно готовы в любую секунду вступить в дело. Мы долж-

ны покончить с оставшимися в течение минуты. Иначе: если солдаты сумеют организовать оборону, нам останется только дружным стадом убежать в горы.

– А на вышках? – Педро еще не верил, что этот холодный парень с пронзительными глазами согласился на их опасную авантюру.

– Посмотришь, как надо работать, чтобы людей, которых вы прибыли спасать, не погубить зря. Я насмотрелся на этих охранников. Мне кажется, сюда набирают одних уголовников и садистов.

– Так и мы, дружище камрад, когда через своих людей предлагали тебя начальнику, уверяли и показывали документы, что ты вьетнамский. И здесь скрываешься за свои военные грешки.

Рус снова неприязненно посмотрел на повеселевшего Педро.

– Я знал одного очень известного в ваших кругах американца, полковника, У него также скудно было с творчеством и фантазией.

Увлеченные руки мулата по-крестьянски грубо и быстро заталкивали гранаты за пазуху.

– А что делать, уважаемый, такие тупицы, как эти военные, понимают только простые фразы и только личную выгоду.

Глава четвертая

*«С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока».*
Ю. ЛЕРМОНТОВ.

Лэнгли. Слабый дождь.

Маккинрой долго и терпеливо слушал нудного шефа отдела стратегических исследований. Вежливо кивнул в знак согласия с версией об оценке его работы, чинно присел в широкое кожаное кресло. Но изрекал уважаемому шефу тактично, не спеша совсем не то, что надеялся услышать начальник.

– Благодарю вас, сэр, за то, что моя невидимая и неслышимая работа находит добрый отклик в ваших речах. Но я не отношусь к тем джентльменам, которые обожают скромное воркование о своих особенностях. Я или работаю, или отдыхаю. Все, что между-удел усредненных величин.

– О-о, полковник, неужели вы обижены? На вас это не похоже. Это вам легко быть небрежным к окружающим. Вы лично ни за что не отвечаете. Ваши симпатии не сходятся с тем положением, которое вы занимаете.

Маккинрой старался вежливо не смотреть в отвлеченные

глаза хозяина кабинета.

– Странно, почему вы о них вспомнили? В свое, далекое уже, время и постарался их хорошенько забыть. Так что мое отношение к указанному вами делу вы понимаете.

– Да-с, полковник, мне с вами необычайно трудно. И я предугадываю вашу реакцию на новое назначение.

Маккинрой расслабленно выпускал дым тонкими кольцами, по большей части, думая о чем-то своем.

– Я уже догадываюсь. Неужели господин Динстон со своей удачливостью перестал устраивать вас?

Начальник медленно вернулся за стол, уселся и долго смотрел перед собой.

– Столько времени прошло, а вы все стараетесь поддеть доброго служаку полковника Динстона. Я не верю, что вы завидуете его повышению.

– Мне? Как можно, сэр, – полковник весело усмехнулся. – Просто то, что не входит в мою компетенцию, я стараюсь хорошенько забыть и не помнить.

– Лукавите, дорогой. Ой, как лукавите. Не с вашим это интеллектом забывать. Те оплаченные миллионы нелегко забыть. Да и ваши отчеты-это искусство. История пишется такими глубокими и психологично интеллектуальными специалистами, как вы. Но, но, но, – шеф простучал лихой военный марш по крышке стола, – готовьтесь в Южную Америку. Документы, визы, деньги все готово. Замените коллегу Динстона. На него начали поступать к нам некоторые не совсем

дипломатичные жалобы. Вы должны сгладить те неувязки, которые он там наплел от излишней энергичности и доверчивости к совсем посторонним людям. Вам он сам все расскажет, что нужно. Желаю успеха.

– Но я не могу сейчас без консервирования оставить дела в Китае.

– О, нет-нет. Не беспокойтесь. Развал Поднебесной в ближайшие месяцы не предвидится. Работы там еще всем нам хватит на не одно тысячелетие. А вот с монахом в Латине долго не провозитесь.

– Меня в этом уже как-то уверяли.

– Оставьте, уважаемый, ваши колкости. То было в далеком Китае, в мерзопакостное время для всех нас. В Южной Америке мы имеем власть, влияние.

Маккинрой не возражал.

– Дай бог, чтобы все так было.

– Не упрямитесь, коллега, для вас это не составит больших трудов.

Командировка в экзотические, райские края. Благодать. Радуйся-не хочу.

– Да не мое это дело, господин начальник.

Начальник, нехотя, но начальственно выпрямился.

– Идите вы знаете куда, сэр. В Латинскую Америку. Вот куда. После президента у вас будут самые большие полномочия на местах. Понимаете?

– Не дурак. Читал инструкции. – Но эксперта трудно было

просто так убедить. Особенно, если он сам знал больше, чем начальник. – Ничего они не дают, когда в обороты включаются неизвестные величины.

– Ну-у, – шеф уже понял состояние подчиненного и дружелюбно улыбался, – не печальтесь, друг мой. Это и есть наша работа. И вы об этом лучше меня знаете. Борьба с неизвестными причинами, а тем более с величинами-это прекрасно. Ощущение полноты жизни. Каждому ли это дано? Короче, в Бразилии резидентом майор Рэй. Все прочие резиденты в приграничных странах в его подчинении. Он вас подробно введет в курс дела. Вы его начальник. Командуйте. Требуйте. Дерзайте.

– А Динстон? – Не давая начальнику сказать о'кей, опередил Маккинрой.

– А что он? Побудет немного с вами, где-то поможет. У него прочные налаженные связи. У него есть нюх гиены. Его отбрасывать нельзя. Он многое сумел после Китая.

– Для пользы дела лучше бы вы его сразу отозвали. В Лэнгли он нужней.

– Спасибо за совет, полковник, мы непременно примем во внимание ваши требования.

– Надеюсь, через пару месяцев вы решитесь.

– О, вы нас зря недооцениваете. Думаю, через пару недель Динстон сам оттуда уберется.

– Это уже, пусть не конкретно, но какое-то решение. Буду надеяться, сэр.

– И очень правильно сделаете. Верьте нам, как мы вам.

– Это уже из области красивых сказок Андерсена, – невесело усмехнулся эксперт. – Но буду вам стараться верить.

– О'кей, мистер грустный пессимист. – О'кей, сэр. Может быть, в чем-то Динстон и сможет быть полезен великой Америке.

– Будет полезен, полковник, мы дадим ему специальные указания. Вам перечить он не будет.

– Тогда мне будет спокойнее.

Маккинрой встал, галантно кивнул, тихо вышел.

Начальник долго смотрел на закрывшуюся дверь и не мог понять: обижается он на лучшего специалиста в своем отделе или нет. Эксперт всегда для него оставался какой-то чужой, сторонней фигурой, не поддающейся ни прямому давлению, ни авторитету начальника.

Штат Дэлавер.

Старинный замок. Высокие узкие окна. Почтенный, осанистый джентльмен в очень больших годах.

– Сэр Маккинрой, я тоже стою на той точке зрения, что лучше вас никто с монахами не совладает. Что-то начинает подсказывать мне: нужно нам выходить на полезные контакты с ними. По отношению к алчным «Триадам» они гораздо цивилизованней. Уважают законы, порядочность.

– Я много думал об этом, милорд. Но с вашей стороны не было дано добро. Мы упустили значительное время.

Хозяин замка сидел у начала стола. Неторопливый глуховатый голос мягко распространялся по большому сводчатому залу.

– Жалеть не стоит. Раз ваша мысль не раз возвращалась к монахам, следовательно, для вас многое достаточно ясно. Не требует дополнительных хлопот.

Маккинрой, подчиняясь безоговорочно авторитету хозяина, также старался следовать величию зала и момента.

– В моем понимании мы еще очень далеки от монахов.

– Не это суть, мой дорогой племянник. Сейчас мы понимаем, что нам полезно приблизиться к ним. От перемены мест существующих величин цель не меняется.

– Согласен с вами, сэр, – полковник немного повысил голос, – если вы согласны с тем, что монахи нам нужны, разрешите действовать самостоятельно. Чиновничья опека со стороны начальников отделов сдерживает мои некоторые попытки улучшить ситуацию с монахами. Их цель резко разнится от нашей.

Хозяин медленно приподнял голову, положил руки вперед на стол.

– Я дам соответствующие указания. Чтобы вы еще желали?

Маккинрой также весело выдержал паузу.

– Наверное, больше ничего. В Южной Америке у нас нет проблем в решении буквально всех задач.

– Еще бы. Все руководящие посты занимают лица, закон-

чившие наши колледжи, военные академии. Армия и полиция выпестована нашими инструкторами в нашем чисто американском духе.

Эксперт охотно кивнул в знак согласия.

– Я буду держать вас в курсе всех подробностей по интересующему делу, милорд.

Хозяин мягко кивнул, доброжелательно посмотрел на полковника.

– Моя личная просьба к вам: я хотел бы видеть того молодого человека, монаха. Иметь с ним беседу.

Маккинрой тактично склонил голову, но с сомнением в голосе произнес:

– Этого я не могу обещать, сэр. Монахи крутые люди, и здесь очень многое зависит от обстоятельств.

– Я не тороплю вас. Вверяю большие, в рамках вашей компетенции, полномочия. Опыта вам не занимать. Резидентов в этих маленьких странах сумеете провести.

– Там имеются очень толковые специалисты, милорд.

– Не могу с вами спорить. Но они не чета вам. Да и возможностей у вас несравненно больше.

Полковник встал. Он по интонации понял, что аудиенция закончена.

– Понял вас, милорд, – сказал он с легким поклоном на прощание.

– Знайте, племянник мой, что я полностью доверяю вам.

Эксперт еще раз галантно поклонился.

Глава пятая

Жесткий взгляд Коу Кусина резко перескакивал от одного предмета к другому. Он нетерпеливо прохаживался по келье, стараясь убедительно доказывать настоятелю имеющиеся сомнения.

– Ситуация в Америке такова, что я подозреваю во многих событиях мохнатую руку Соединенных Штатов. Провокации следуют ежемесячно, одна за другой. Полковник Динстон очень часто и надолго появляется в различных странах южнее Панамы. Не иначе, как его нюх ищейки чует там Руса. Полковника, как и Теневого, пора отправлять на постельный режим.

Настоятель Дэ в своей долгой привычной задумчивости не останавливал и не перебивал разведчика. Выдержав паузу, медленно произнес:

– Ты полагаешь, группы Хан Хуа недостаточно?

– Не только, недостаточно. Очень вероятно, что янки готовят многоходовую хитрую ловушку для всех, кто окажется рядом с Русом в час «Х». Там не Китай. Возможностей для маневрирования, людей, а главное власти у Динстона более, чем достаточно. Он злопамятен; самолюбив.

Принят в самые высокие круги американского общества. Из кожи вылезет, чтобы доказать свое право на занимаемое

место. Он сейчас на коне.

Настоятель невесело покачивал в согласии головой.

– Коу, я не могу не верить твоим аргументам, но все же не все согласуется в твоих доводах. Неужели Динстон, у которого много своей работы, ответственности, неужели он на протяжении такого длительного промежутка времени может держать злобу на закрытого далью годов и пространством мальчишку, которого и в лицо-то не помнит?

– Уважаемый Дэ, – Карающий Глаз с сожалением смотрел куда-то в темную даль, – мы еще и сегодня не знаем, что янки искали; да и сейчас они еще шарят в наших краях. Почему и завертелась вся эта подозрительная история у ворот монастырей. Медленно, но уверенно их исследователи приближаются к нашему святому каньону Намча-Барва. Такая же загадка: почему янки ведут долгую, разорительную войну во Вьетнаме. Войну, которая ничего им не сулит даже при благоприятном исходе. Что даст им овладение этой маленькой и очень бедной страной. Экономически, политически-ничего. А вот к Тибету их базы, пункты слежения приблизятся. В отношении Динстона: психологи находят у него патологическую злость ко всему, что не зависит от него. У него нет детей. Одержим деньгами. По своим взглядам – самый натуральный нацист и расист.

Настоятель надолго застыл в своих раздумьях.

– Это уже действительно тревожно. Тогда он казался более глупым, чем опасным. Сейчас же более опасным, чем

глупым. Куда смотрит кадровая служба Лэнгли?

– Динстон под контролем. Его взгляды не мешают руководству. Но главное, что слово таких как он, далеко не последнее в хоре ястребов, облеченных правом говорить и требовать. Поэтому необходимо выезжать. Брать большую группу. В Америке у Динстона под рукой отряды плантаторов, полицейские, германские наци. Укрывшиеся там с войны немцы. Они многим обязаны янки. По нашим сведениям в предгорьях Кордильер их несколько десятков тысяч. При них немало из бывшего руководства среднего звена СС, СД, абвера. ЦРУ умело запрятали их в складках гор.

– Что-то неладно в стране гордых индейцев. Неладно. Но есть и тяжесть на сердце: не спровоцируют ли американцы наших противников против нас здесь, в метрополии.

– Не успеют. Времени слишком мало. "Ба гуа" присмотри за ними.

– Если ты считаешь, что там все-таки опасно и непредсказуемо, то без Вана не обойтись.

– Я и хотел просить, чтобы вы его отпустили.

– Его и не удержишь. Сколько всего требуется ребят?

– Восемнадцать, думаю, хватит.

– А оружие?

– В Бразилии, в Аргентине имеются подготовленные базы.

– Да, – тихо соглашаясь, проговорил настоятель, – ничто не обещает легкой жизни, не обещает и легкой смерти.

Глава шестая

Мадам Вонг с болью и грустью смотрела вслед отъезжающим машинам. Она не поехала провожать свою дочь до аэродрома. С обидой вспоминала жестокие упреки дочери, ее высокомерный и капризный нрав. Несмотря на настойчивые уговоры, ее девочка назло устремилась в Южную Америку. Там где-то отсиживается монах, и она преисполнена желания найти его, помочь ему, привлечь на свою сторону. А как? И где? Это ее меньше всего волнует. Дочь верит в свою звезду и уверена, что желаемое свершится.

Мадам прошла на верхнюю террасу, откуда было далеко и хорошо все видно. Внизу, по узкой ленте шоссе, быстро мчались пять машин дочери с охранниками и прислугой. Как женщина, она прекрасно понимала своего ребенка: ее влечение к новому, необычному. Романтизм, свежесть впечатлений. Но, как мать, всеми силами стремилась препятствовать непредсказуемым новациям, опасным выходкам. Мир жесток, коварен: за свою единственную дочь она резонно волнуется и никаких лишних неприятностей иметь не желает. Но колкие слова дочери продолжали жечь самолюбие и она, гневно вспыхивая, снова вспоминала истеричные выкрики избалованного дитя: – "...Перестань... Какое тебе дело... Не хочу одна, как ты прозябать...".

Автомобили стремительно уходили вдаль и мадам вдруг легко подумалось: "Может так и надо. Без трудностей, расставаний ее дочь никогда не станет взрослой, никогда не оценит того, что сделано для нее. Пусть и ребенок пострадает, помучается в сомнениях. Лишний раз вспомнит о родном человеке, который для нее создал все, чтобы она не имела лишений и была благодетельствована по высшему разряду великосветских отпрысков".

Душевно израненной женщине еще раз вспомнились необдуманные, наспех брошенные слова дочери, что ей уже двадцать восемь, что хочет иметь мужа. И, самое болезненное для женщины, давно забывшей слышать в свой адрес любую неучтивость: "что живые думают иначе, чем мертвые". Эти, с размаху язвенно высказанные мысли, чуть не убили расстроенное сердце повелительницы морей. Она опешила. Ничего не нашлась, что ответить. Ее дочь была вся в нее: высокомерной, наглой в выражениях, стервозной в желании уколоть в самое живое, самое болезненное.

Мадам расчувствовавшись, опустила в кресло, с трагической иронией про себя итожила: "Кого вырастила? Ее, владыку морей никто так никогда не обижал, как родное дитя. Нет, потому нужна нервная встряска, иначе она никогда не научится ценить и уважать то, что преподнесено ей жизнью и правом наследования. Воспитание по книжкам ничего не дает, кроме лицемерия. Только жизнь: суровая, одинокая, делает из аморфного, микробного материала сильного

душой и телом человека. Деньги портят. Делают или слишком добрым, не понимающим значение и цену деньгам, или безжалостно тупым, использующим баксы только для достижения эгоистичных похотных целей. Так жизнь проходит болотным, вяло шелестящим существованием, с однообразными застоявшимися запашками и серыми видами.

И вот теперь, пристально глядя вслед исчезающим машинам, мадам уже спокойно, удовлетворенно соглашалась с тем, что ее дочь рискнула самостоятельно отправиться в непредсказуемое путешествие за собственным опытом. Может быть, она вернется оттуда помудревшей, более доверчивой и терпимой.

Глава седьмая

Нетерпеливый Педро дворовой собакой крутился в кабинете и с каждой секундой все более раздраженно поглядывал на Руса.

– Что ты тянешь. Наши парни изжарятся в машине.

Неподвижное лицо монаха сухо смотрело на охрану вышек, ворота.

– Жди в коридоре. Начинай взрывать, когда услышишь выстрелы с вышек, или если кто покажется на этаже. Старайся не погибнуть; иначе вся ваша авантюрная затея провалится, как оступившийся путник в пропасть.

– Есть, камрад.

Погрубевшим голосом бросил мулат и постарался бесшумно выйти из комнаты.

Рус приблизился к открытому окну. Его красивая винтовка с изящными формами отделки, глушителем, через оптику прицела неподвижно уставилась на вышку. Через секунду легкий щелчок, и расплывчатая фигура охранника в мареве полуденной жары медленно сползла за барьер стенки. Следом второй на другой вышке также без признаков суеты и волнений исчез за перегородкой. Третий... Четвертый... Пятый... На каждого невинного спящего хватало одного патрона. Шестой также исчез, ничего путного не проявив в

своей недолгой, но расхлябанной жизни. Кругом сохранялось спокойствие, будто ничего подозрительного не происходило. Рус вставил новую обойму. Его холодный, отрешенный взгляд ничего не проявлял; и, казалось, в его глазах не могло быть вообще какой-нибудь живой мысли. Полуденное, не щадящее солнце жестоко слепило и ненавистно жгло все вокруг. Тихо. Даже подозрительно все очень тихо. Настороженность момента, звонко застывшая в воздухе, сковывала все живое. Некоторые заключенные в помертвевшей тишине почувствовали для себя что-то непривычное. Приподнимались, оглядывались по сторонам, начинали сонно бродить взад-вперед. Муторная настороженность психической волной передавалась оставшимся в живых охранникам дальних вышек. Они отходили от дремоты. Тупо взирали на бродивших узников. Но дьявольская винтовка монаха продолжала методично отсчитывать секунды и испускать из своего безжалостного жерла молниеносный заряд быстрой смерти. Все пули находили головы обреченных. Очередному охраннику выстрелом снесло полголовы. Он упал.

Оружие негромко звякнуло, покатилося по настилу вышки. Последний часовой мгновенно протрезвел, уставился на соседние посты... Но там ничего и никого не наблюдалось. Он оторопело вскинул автомат: резкая дробь очереди ошалеело нарушила застывшую тишину полуденного зноя. Но следующий выстрел монаха успокоил встревоженную душу солдата.

Послышались непрерывные взрывы гранат Педро. Рус выскочил в коридор. Боевик ползком спускался по лестнице, щедро осыпая бомбами путь перед собой. В комнате связи взрывами была искорежена рация. Радист и два охранника корчились на полу в дыму и огне. Монах подскочил к столу. Из телетайпа торчала лента. "Неужели радист сумел послать сигнал в город?" – удивленно подумал Рус. Но раздумывать было некогда.

На первом этаже, как предштурмовая канонада артиллерии, стабильно и часто гремели гранаты Педро. Все шло, как и предсказывал монах. Солдаты бросились в окна, но дружный огонь автоматов заставил их искать укрытие в казарме. Часть охраны успела забаррикадироваться в дальней комнате, организовать яростный отпор. Но от непрерывных взрывов гранат они не могли найти спасения. Вылетели двери. Обвалилась часть преддверной стены. Мулат увлеченно с сатанинским блеском в глазах продолжал метать в помещение бомбы. После седьмой, вроде бы, все там затихло.

Педро осторожно подполз к двери. Заглянул. С отвращением отвернулся, приподнялся. Рус вскинул винтовку. Но боевик показал жестом, что в комнате одно месиво. Вышли из казармы. Началось дикое ликование. Всего лишь пятеро не опасно раненых: двое среди боевиков и трое арестантов. Им быстро наложили повязки. Политические слезно веселились; жадно хлебали пиво из подвальных запасов, разбирали оружие, примеривали робу со склада.

Рус оценивающе смотрел на далекие горы. Подозвал захмелевшего от собственных деяний Педро.

– По этой дороге через полчаса появятся машины с подкреплением. Ты должен организовать оборону. Нужно все подготовить так, будто здесь ничего не произошло. Все пулеметы в дело. Главное залп первого огня. Уничтожайте технику врага. Боеприпасов много, не жалейте. Подготовьте свои машины. После четверти минут боя быстро на автомобили и в горы. Только не стадом, организовано, На тебе жизнь этих людей. Учтите: вся эта операция не вами подготовлена и не по вашему сценарию продолжится. Опасайся неожиданностей. Это провокация.

– Как провокация? – Широко и дружелюбно улыбался товарищ, – видел, как мы их. Одно дерьмо только от них осталось. Столько оружия у нас.

Провизии. Да и кто рискнет в такую мертвую глушь. Не может быть.

– Когда план меняется по ходу операции, все изменения исходят только со стороны противника.

– Да ну, амиго. Брось ты. У нас не может быть доносчиков и предателей. Мы их мигом расстреливаем. А солдаты? Посмотришь: появятся ли они.

– Готовься к худшему. Сохранишь людей: да и себя тоже.

– Отсюда машины мы заметим за шесть-семь миль.

– А вертолеты?

– Нет. Что ты. – Педро победно и ликующе улыбался. – Ка-

кие вертолеты. Сейчас мы соберем все оружие, перетащим продукты на грузовики, накормим людей. Увидишь, все произойдет в нормальной обстановке. Никаких помех. Кто сунется сюда, в эту мертвую долину Чако. Смерть искать? Кому это надо?

– Есть люди, которым это очень надо. Да и вам надо, чтобы выжить.

Внушающий голос Руса заставил вздрогнуть мулата. Он опасно покосился на монаха.

– Чего это ты снова запугиваешь?

– Кто не боится, тот погибает. Иди и делай. Тебя люди потом отблагодарят.

Жесткий голос монаха заставил сначала вскипеть неконтролируемый нрав мулата. Но, глянув в глаза говорящему, боевик поторопился заняться нужным делом.

Глава восьмая

Пополневший, по-обывательски щедро раздобревший господин Динстон очень демократично и телефотогенично улыбался.

– О-о, мистер Маккинрой Хэллоу. Приятно мне видеть вас живым и невредимым.

Эксперт даже смутился от столь радушно-лицемерного приветствия старого неудобоперевариваемого коллеги.

– Странно, полковник, а что со мной должно было случиться и почему я должен быть неживым.

– Прошу извинить меня, сэр. Шутка. Как мне вас не любить, не уважать. Столько в Китае вместе похозяйничали. Э-эх, – Динстон так компанейски улыбался и так был искренне светло счастлив, что эксперту пристыжено подумалось: "Не был ли он слишком привередливым к стойкому оловянному полковнику". Но того теперь трудно было остановить.

– В моей памяти, сэр, вы один из немногих тайных чинов, у которых я очень многому научился. Наш невидимый и коварный путь в работе, наш труд, сопряженный с ежеминутной опасностью, так спаивает коллегиальностью и партнерством, что я лично часто впадаю в слезную сентиментальность, вспоминая прошедшие дни. И думается мне тогда: никакие мы не герои, просто жизнь подставила нас, и мы, вме-

сто того, чтобы наслаждаться ею, как это делают десятки и десятки миллионов неглупых граждан нашего зеленого шарика, обреченно тянем ту лямку рутинной работы, за которую даже не каждый раз сполна платят; если считать по – большому счету, – Динстон хитровато сконфузился, но сумел перестроить лик на гостеприимный момент: Пусть будут удобны для вас мои скромные апартаменты.

Маккинрой, немного поразмыслив, все же доброжелательно кивнул. Уселся в кресло, услужливо и сноровисто предложенное полковником. Вынул пачку «Мальборо». Но продолжал молчать, изучающе и по-новому поглядывал на Дин стона. Тот также не менее косил, но не спешил начать главный разговор. Наконец, продолжая широко улыбаться, пророчески изрек:

– Догадываюсь, сэр, пришли вы ко мне с одной целью. Иначе ничто не могло бы вас затащить сюда в Латину, где для меня и климат и обстановка несравненно лучше, благоприятней, чем в Китае. Вы и монахи одно глубоко таинственное целое. Я подозревал какую-то связь у вас с ними еще тогда. Но до каких пределов, так и не докопался. Скажите: прав я? А! Сэр.

Маккинрой небрежно кивнул полковнику, затянулся сигаретой.

– Вы стали по-начальственному догадливы, полковник. Заметно интереснее в разговоре. Не зря на повышении. Рад за вас. Искренне рад. Оптимизма сейчас имеете больше, чем

все китайцы вместе взятые.

Динстон от неожиданной лукавой лести воровато заулыбался.

– Не ожидал я от вас комплиментов, сэр Маккинрой. Приятно удивлен. Спасибо.

Эксперт посмотрел на часы, давая понять, что время для него все же важнее.

– Господин полковник, в центре мне сказали, что вы очень удачно провели серию некоторых операций. Подробности посоветовали услышать от вас.

Динстон бодро вскочил, по-армейски вытянулся, и также прямолинейно заходил по диагонали большого кабинета. Широко разводя руками, как бедный священник, эпически, но скромно изрекал:

– Даже не знаю, как вам объяснить. Там же в нашем управлении меня нередко упрекают за излишество крови. Но большая игра требует и не меньших оборотов. Иначе нельзя. Коммунисты усиленно насаждают здесь свои идеологии, устанавливают режимы: о каких правах, скажите мне, можно говорить? Мы можем крупно проиграться здесь, на своей земле. Когда мне доложили, что монаха переправили в одну из стран Латины, через полгода я уже додумался, как вывести его из потайных подвалов местных трущоб. Вам уже не придется с нуля выслеживать дикого аскета. Сейчас, если за эти дни ничего не изменилось, он должен находиться в Парагвае, в центральных районах Гран-Чако. Я со дня на день

ожидаю оперативных сведений.

– Занимательно звучит ваша речь, господин полковник. – Все же с нотками сомнения говорил Маккинрой. – Подробнее вы можете рассказать? Признаюсь, я не ожидал такого всплеска тактической сообразительности.

– Все-таки иронизируете, сэр. Но я не обижаюсь. Я полностью удовлетворен своей работой, а главное, ее результатами. – Динстон густо дымил сигарой. – Время подсказало. С начала семидесятых в странах южнее Панамы очень активно и опасно разворачивались частые, многочисленные выступления плебса за свои неписанные права.

Эксперт не перебивал полковника и тот, вдохновленный внимательным молчанием, красноречиво продолжал.

– Это и подтолкнуло нас на мысль помочь желающим в организации этих митингов и демонстраций. Спровоцировать на жестокие побоища. Ну как после этого местные активисты не попросят монаха интернациональной помощи. Свое искусство ему не скрыть. Для поддержания формы в рабочем состоянии ему необходимы каждодневные занятия. Его организм не выдержит праздной жизни. Доказать монаху, наивному мальчишке, о необходимости его участия, помощи неумелым патриотам страны, для них не составит проблемы. Нам оставалось только следить за массовыми выступлениями голодранцев и вовремя выявить его местонахождение. И он был вычислен: сначала в Уругвае. Но, шельмец, успел вовремя согнуться. Не удалось тогда его подстрелить. По до-

несениям наших и местных агентов, он ловко бил всех подряд: и полицейских, и карабинеров. А ведь мы в Аргентине, Чили, Бразилии поднимали большие толпы вроде бы как на стихийные митинги. Следили, где отпор властям будет жестче, упорнее. Даже удивились, что в Уругвае одна из демонстраций прорвалась к мэрии и всучила свои петиции. Примчались туда. Через пару месяцев организовали еще один митинг за права неимущих. И там я уже заметил его. Надо отметить, он старается не бросаться в глаза. Пока толпа и ее лидеры бранятся с полицией, теснят друг друга, он где-то между людишек проберется и в этом месте масса проламывает шеренги полиции. Начинается избиение. Дальше масса неудержимой волной отжимает панические кордоны в стороны. Те ничего уже не могут поделать. Толпа злая, когда проигрывает, и не менее взрывоопасна, бешена, когда получает безнаказанный простор. Монах очень осмотрителен. Многое предугадывает. В общем, на третье массовое представление не показался. На четвертое тоже. Понял я, что он исчез. И искать следует в других странах. Сейчас искомый предмет находится в Парагвае.

Маккинрой долго молчал, внимательно взгляделся в полковника.

– На удивление довольно логично проведена у вас вся цепочка этих мероприятий. Очень логично. А сейчас разве большего не известно, кроме того, что монах в Парагвае?

Дине тон хитро прищурился.

– Я с нетерпением ожидаю очередных оперативных сводок. Боюсь сказать, но думаю: в данном случае все достойно продумано, подготовлено.

– Когда вы рассчитываете получить новости? – К вечеру сего дня должен все знать.

– Это через три-четыре часа. – Да. Должно быть так.

– Сюда, в Рио, вы получите их по телефону?

– Что вы, сэр, такие вещи по телефону мы не оглашаем.

По радию и только на отдельной волне.

– Спасибо, господин полковник. Я удовлетворен вами.

Свою часть дела вы провели на высоком профессиональном уровне. Передачу из Парагвая будем принимать вместе. Нам надо ее записать.

– Не могу согласиться с вашим решением, сэр. Имеется большой риск утечки информации.

– Не волнуйтесь, господин полковник, – голос Маккинроя становился официальным, – получены другие инструкции, и нам придется следовать их положениям. Подготовьте необходимую аппаратуру и успокойтесь. К вам никаких претензий не имеется. О'кей, сэр.

Глава девятая

Яростные сполохи нервного огня со стороны концлагеря подсказывали Хан Хуа, что группа мятежников упорно и пока еще довольно удачно оборонялась. Плотный автоматный и пулеметный огонь заставил карабинеров рассыпаться широкой цепью, залечь, укрыться за все возможные укрытия и перейти к прицельному огню. Потери среди них были чувствительными. Но армейский опыт командиров позволил организованность и дисциплину солдат перевести в качество. Боевики и арестанты были оттеснены к казарме, баррикаде, организованной из составленных вплотную грузовиков. С атакующими можно было покончить в течение нескольких минут. Но Хуа выжидал, прикидывал: хватит ли ему времени исчезнуть без потерь, если вдруг объявятся крупные части правительственных сил.

Осажденные выгодно расположились в здании казармы. И было ясно, что карабинерам не удастся скоро справиться с ними. Повстанцы имели много гранат. Они швыряли их подальше от себя, как испорченные бананы, отчего атакующие продолжали нести ощутимые и для такой отдаленной местности невосполнимые потери. Осколки широким веером осыпали пространство вокруг и тактическая организация боя, опыт, все меньше помогали настойчивым

маневрированиям спецподразделений. Местность была ровная, голая. Карабинеры сумели закрепиться за покосившимися вышками, горящими автомобилями и дисциплинированно вели прицельный огонь, стараясь не высовываться из-за укрытий. А вот для бывших арестантов азарт, ухарство были первейшими врагами. Они, как дети, вскакивали после каждого удачного выстрела, потрясали оружием и, неожиданно резко откидывались назад, пораженные точным выстрелом противника.

Монах начал сомневаться в том, что оборонявшиеся смогут еще достаточное время продержаться, как вдали показались бронетранспортеры. Они бешено неслись по бездорожью долины, оставляя за собой густую пыльную завесу.

Хан Хуа поднял руку. Одиннадцать минометов группы партизан, приданных в его распоряжение местным руководством, стояли расчехленные в ожидании залпа. Расчеты напряженно стояли в готовности к действию.

Когда двенадцать машин приблизились к невидимой черте, завывание мин добавило звуковой колорит знойной долине. Еще секунда, и территория вокруг колонны покрылась густыми россыпями разрывов. Два бронетранспортера загорелись от первого залпа. Из них прытко начали выскакивать солдаты и катиться по сторонам. Но мины продолжали сыпаться словно камнепад. Служивым ничего не оставалось делать, как подползать к машинам, прижиматься к бортам, укрываясь от осколков.

Остальные бэтээры на полном ходу объезжали подбитые машины. Вязли в мелком сыпучем песке. Плотность падения снарядов была такова, что боевым машинам пришлось отъезжать назад. К ним согнувшись бежали оставшиеся невредимыми солдаты. Но мины опережали; и еще один бронетранспортер закадил черным дымом. Фигурки быстро и резко побежали назад от поражающего огня минометов. Сохранившиеся бэтээры почти на месте разворачивались и, выкидывая из под колес фонтан песка, неслись подальше от плотной завесы огня. Во время этих спешных маневров задымила еще одна бронемашина. Солдаты выбрасывались из люков и долго догоняли ушедшие далеко из-под огня, машины. Карабинеры, усилившие огонь при появлении подкрепления, после бегства войскового подразделения начали организованно отходить вглубь долины. Большие потери ярко означились на желтом песке вокруг лагеря. Хан Хуа подал знак командиру партизанского отряда и бойцы с громким гиканьем бросились в преследование войск, ведя непрерывный огонь на ходу. Стремительным рывком на мотоциклах монахи внеслись в лагерь, на ходу добивая отставшие боевые единицы отстреливающихся карабинеров.

Через минуту все было кончено. Бой продолжался только вдали от лагеря с отступающими частями. Осажденные устало и тихо сидели на своих позициях и совсем непонимающе взирали на строгие лица невесть откуда появившихся китайцев. После долгого, изнурительного боя, когда они

готовы были погибнуть, совсем неожиданная помощь из-за неблизких холмов была, как благословение свыше. Многие постоянно крестились и шептали про себя молитвы.

Хан Хуа не стал ждать подсчетов потерь оборонявшихся и атаковавших. Его ребята были все целы. Он быстро нашел Педро, легко раненного в плечо, бравирующего этим и громко проклинавшего того, кто осмелился в него попасть. Хан отвел мулата в сторону.

– Где Рус?

Педро, полный собственной значимости за содеянное, грубовато ответил, что никаких иностранцев при нем не находилось.

Монах вонзил в него свой бешеный взгляд.

– Ты мне не пробуй дурить. Здесь был наш парень. Он был телохранителем начальника лагеря. Именно он был внедрен вашим руководством сюда. И именно он должен по плану начать операцию по уничтожению охраны. Мы приехали за ним из Китая. Не берись меня обманывать: порву на части.

Разудалого Педро крепко сдавило внутри. Он еще раз поднял глаза на говорившего. Таких жестоких лиц ему редко приходилось встречать, хотя он и немало повидал на своем некоротком веку. Как божий день, было ясно, что эта дикая и темная личность шутить никак не намерена. Зря спрашивать тоже не будет. Он быстро догадался своим умом, что китаец интересуется европейцем, к которому прислали его с группой.

Беспричинно разволновавшись, впервые заикаясь, он утвердительно закивал и невнятно пролепетал, что, если сеньор спрашивает того парня, который был телохранителем и начал стрелять на охране на вышках, то еще в начале боя он находился в казарме, открыл прицельный огонь по карабинерам и сейчас где-то должен находиться там же в лагере.

– Прикажи, чтобы нашли и позвали нашего парня, – глухо выдал Хуа. Сам приказал Сину и Ши, чтобы они внимательно осмотрели подвал казарм?

Но искать особенно было негде. Здание небольшое и его обожали в считанные минуты. Руса нигде не оказалось. Педро холопски подбежал к Хуа.

– Сэр сеньор, нет второй машины начальника лагеря. Взорваны дальние ворота. Видно ваш человек уехал во время боя. Его никто не видел. В такой суматохе...

Мулат виновато развел руками.

– Он что, за пивом поехал? – не веря словам, Педро пригрозил монаху.

Но быстро пошел к дальним воротам. Они были в ширину не более трех метров. Один столб взорван. И в образовавшейся нише четко прослеживался ясный след протекторов колес на желтом песке. Две линии вели к далеким холмам, видневшимся на горизонте в сторону Запада. Хуа недолго постоял, что-то прикидывая в уме, потрогал песок. В упор посмотрел на мулата. Тот, не зная, какую соорудить физиономию, глупо серьезничал и угодливо предлагал свою по-

мощь.

Скоро возвратился отряд, посланный в погоню. Вели несколько раненых, несли двух убитых.

Хуа высказал имеющиеся сомнения командирам групп. Посоветовал оставить в живых захваченных и быстро исчезнуть подальше от этого лагеря. Скоро прилетят самолеты и будут утюжить бомбами всю территорию лагеря и прилегающую местность. Это живо привело в трезвое чувство уставших, но бездумно ликующих повстанцев. На два сохранившихся в целостности грузовика погрузили тела погибших, расселись сами и уже без всяких реплик скоро двинулись в сторону далеких гор.

Хан Хуа с четырьмя своими боевыми товарищами на двух легковых автомобилях на предельной скорости метнулся в горы в сторону Чили, к стоянке вертолета. Ему теперь предстояло быстро переориентироваться в резко изменившейся обстановке. Передать сведения домой. Начать заново искать местонахождение Руса. "Ситуация осложнилась, вышла из-под контроля, – логично рассуждал Хуа, – теперь уже он в большей степени был подвержен репрессивным действиям парагвайской полиции и политической охраны Стеснера. Визит его группы не останется незамеченным в протоколах следствия. Поэтому следовало поскорее убираться из этой неприветливой местности, замести следы. Определить ближайшего охотника за ними..."

Полицейское управление умело проанализирует получен-

ные сведения. И, если оно даже запоздает с выводами по лагерным событиям, на территории Парагвая все службы будут нести дежурство в боевой готовности номер один. На неделю, две, а то и три предстояло лечь на дно, переждать горячку первых дней спецслужб. Против местных революционных группировок полицейские предпримут массовые карательные меры в первую очередь. Монахов со временем могут оставить в покое. Во всяком случае, для властей первоочередных интересов они не представляют.

Так рассуждал Хуа, подъезжая к замаскированному среди холмов, вертолету.

Глава десятая

Маккинрой внимательно прислушивался, но более вглядывался в непривычно сосредоточенное лицо Динстона, когда тот принимал по радиации донесение. Физиономия полковника быстро покрылась бурыми пятнами, а голос начал срываться на первых же словах.

– Что ты несешь мне!! Какие повстанцы? Откуда? У тебя ведь все было продумано.

– ...

– Монахи? Какие монахи? Что ты выдумываешь! Никого не должно быть.

– ...

– А подкрепления? Где они?.. Почему они...?

– ...

– Я не могу тебе верить, потому что так не должно быть.

– ...

– А самолеты?

– ...

– Опоздали? Ты меня не успокаивай. Теперь я знаю тебе цену. Мне нет дела до того, что вся охрана перебита. Ноль цена всем вашим приготовлениям, тем более наблюдениям. Ничего у вас не получится. Если в лагере не смогли что-либо дельного сделать, то дальше вы вообще останетесь без людей.

Хватит болтать. Я прерываю связь. Встретимся в Асуньоне.

Динстон обреченно, чуть не плача, бросил трубку. Тяжело отдышавшись, гадко сплюнул на пол. Посмотрел на очень спокойного, чем-то даже неуловимо торжествующего Маккинроя. Еще более окрысился.

– Мерзавцы! Идиоты! Безголовые кретины! Монах снова ускользнул. Эта каналья, начальник лагеря, и меня посылает подальше. Благодарит бога, что сам не оказался там.

Эксперт совсем даже не сочувствующе глядел на Динстона и с каким-то дьявольским удовлетворением соболезнующе вопрошал.

– Что же все-таки произошло, полковник? По вашим отдельным репликам я ничего не понял. Почему такая экспрессия? Неужели все так плохо, что вы даже отказались от собственных реляций.

Но Динстон долго не мог успокоиться. Он метал громы и слюни перед собой.

– Какие шутки? Столько времени все готовилось. Подключена, подкуплена масса исполнителей. Неплохие кадры. Даже в руководстве оппозиции имеем надежных людей. В отрядах. И на тебе. Все постреляно. Все погибли. Нет больше концлагеря, на который угрохали немалые деньги.

– А по порядку получится рассказать? – начальственно успокоил подчиненного Маккинрой.

Полковник дико оглянулся, отрешенно махнул рукой.

– Здесь трудно рассказывать, когда хорошее дело запоро-

ли. Нервишки надо беречь. Что-то я часто расстраиваться начал. Я вам уже докладывал, что мы нащупали монаха и через наших людей в руководстве партизанами оформили его телохранителем начальника лагеря. Спланировали все, как попытку освободить политзаключенных. Заодно и от многих неугодных лиц оппозиции отделаться. Но вот этот кретин доносит мне, что, ожидая доклада о выполнении задания, получил сигнал, что в лагере стрельба. Связь прекратилась. Немедленно двинули туда два взвода карабинеров. Но они нарвались на засаду. Большие потери. Армейскую роту послали на бронетранспортерах. Снова не так. Попали под минометный огонь. Пять машин подбито и повреждено. Вернулось из ста двадцати около восьмидесяти человек. Раненых не успели подобрать. Но даже из рядов партизан доносят, что монах исчез на машине начальника лагеря. А этот идиот, кретин, начальник должен находиться в это время не в городе, а там, в лагере, и самолично управлять всей операцией.

Динстон обиженно замолк, но, немного подумав, продолжил:

– И все же я не думаю, что кто-то мог подсказать монаху. Маккинрой отложил недокуренный окурок.

– Он и сам мог догадаться. Что-то понял по настроению. Если вся охрана лагеря перебита, значит, монах стрелял первым. А первым он очень редко стреляет. Кто-то его спровоцировал.

– Похоже, что все так и было, – не рассуждая, согласился Динстон. – Но откуда взялись монахи? Пять человек, доложили мне.

– Это уже неожиданная новость. Вы сказали, что за ними установлено наблюдение.

– Какое наблюдение? Что могут эти недоноски – мулаты и метисы? Армия бежала. Кто знает, куда китайцы помчались на машинах. Аэропорт, вокзалы, гостиницы взяты под наблюдение. Но сама граница не очень-то перекрыта. Сейчас пока никто ничего не знает. Как обычно в таких случаях идет накопление информации.

Маккинрой задумчиво встал, не спеша подошел к карте. Долго смотрел район Парагвая.

– Сын природы. А мы просто практичные люди. Поэтому нам трудно с ним. Постоянное напряжение, которое испытывает он, подает в требуемый момент критические сигналы опасности. Это со многими происходит, но не каждый к ним прислушивается. Исчезает мгновенно. Никаких следов. Никаких хвостов. Даже своих братьев по духу не предупреждает. Но своим неожиданным исчезновением подает другим конкретный сигнал опасности. Для нас эта неизвестная китайская группа – неожиданная, и она более чем догадывается, что за Русом и за ними имеется наблюдение.

Динстон зло поглядывал в окно.

– Да. Я тоже об этом подумывал.

– А что тут думать? Это логика, вытекающая из одного в

другое.

Полковник нервно передернул плечами, схватился за ручку, лежавшую на столе, обиженно загнусавил:

– Мы снова упускаем монаха. Мне обещали за него бригадного генерала.

Маккинрой бросил насмешливый взгляд на возбужденного Динстона.

– Полковник, объясните мне, почему его все еще желают ликвидировать?

– Ну почему сразу ликвид? Нейтрализовать. Он все еще многим крупно досаждаёт своим присутствием. Наверное, старые секреты.

– Секретов он не может знать.

– Мне почему знать? – Динстон отбросил ручку. – Руководству виднее. Я солдат.

– Полковник! – Эксперт чинно выпрямился, членораздельно отрекламировал, – сейчас вы получите от меня инструкции, что с этой минуты монах должен жить. И не подвергаться риску быть убитым. Вам ясна задача, господин полковник.

– Более, чем ясна, сэр. Мне в принципе все равно. – Со знакомой ностальгической грустью мямлил офицер.

– Никаких принципов, полковник. Это приказ. Не мой приказ. Я подчиняюсь, и вы подчиняйтесь, – жестко давил эксперт. – Нам необходимо снова выходить на монастыри. Воспитанник – наша единственная ниточка, которая в состо-

янии нам помочь. Вы поняли?

– Да, сэр.

– Полковник краснел, задыхался. Ему грустно подумалось, что генеральские привилегии уплывают от него в далекое туманное неизвестное. Он стушевался, съежился и замолчал.

Теперь Маккинрой, обрабатывая подчиненного, заходил в комнату по диагонали.

– Уясните для себя, полковник; если мы с вами будем также продолжать, как в свое время в Китае, то монахи еще не одну сотню перестреляют, и мы ни на шаг не приблизимся к их логову. Вы имеете сведения от китайской резидентуры?

– Это не мой регион.

– Жаль. Это не секретно. Не помешало бы интересоваться. Там монахи многим и многое припомнили. Некоторые банды прекратили существование.

– Мне-то что? Мне пора на покой.

– Вы что, обиделись? Полковник, на вас это никак не похоже. Ваша энергия еще требуется нашему ведомству.

Динстон скромно молчал и понуро смотрел в окно.

– Ну что, полковник, мне пора. Ждите указаний. Гуд бай.

– Бай, бай, – вслед, почти неслышно ответил покинутый всеми Динстон.

Он остался сидеть. Неудовлетворенность встречей злила его. Не такой исход представлялся ему. Но Маккинрой выше

его и по должности, и по положению. Здесь теперь Динстон ничего противопоставить не мог. Почему в центре так круто изменилось направление в отношении монахов. В Южной Америке он имел очень сильные позиции, прочные связи и нанести еще кое-какой урон было в его силах. Он, настоящий американец, самой твердой породы, не должен, не имеет право отступать.

Голосом, полным личного достоинства и неограниченных амбиций, он заказал разговор с Вашингтоном, потом, переждав, с таким же акцентом позвонил в Кам-пу-Гранди.

Глава одиннадцатая

«Погиб и третий рейх, и третий Рим.

Тиранам и вождям одна дорога-

В учебники истории. Но ИМ...»

Саша ПОЛЫНСКИЙ.

– Хайль! Старый маразматик.

Надменное припухшее лицо с маленькими поросычкими глазками не удосужилось повернуться в сторону чересчур веселого и нагловатого старика с такой же толстой и рыхлой рожей. Внимание сидящего было глубоко сосредоточено на камине, на ногах, которые ближе прижимались к огню, борясь со знобящим холодом во всем теле. Желтые костлявые пальцы старательно цеплялись за плед. И только светлая лысая макушка одиноко торчала крупной поганкой на фоне коричневого материала в клетку. Дряхлый шеф почти спал. Тишина и тепло разморили его. И он, не сопротивляясь естественной неге, похрапывал. Думал иногда о чем-то очень далеком, очень давнем, неприятном, что заставляло его вздрагивать, настороженно поворачивать голову в сторону темной дубовой двери.

Так и сейчас: вздрогнув, ойкнув, повернул голову. Углядел ершистые редкие волосинки на седой голове Мюллера,

снова отвернулся и выпукло уставился на камин.

Старый ветеран национал-социалистской, хоть и с киечком, но довольно бодро прошагал к сидящему. Нагнулся, посмотрел в лицо. Выпрямился, постучал по висящему щиту ордена меченосцев.

– Чего приуныл? Встрепенись. Какие наши годы.

Швенд болезненно жался в кресло, слезливо глядел на живой огонек нескольких горящих головешек. Но отвечал еще достаточно громко, зло и с оттенком действующего повелителя.

– Мои годы уходят под камин, – простужено хрипел он. – Душа моя, как эти тлеющие угли: горят, но тепла уже не дают. Короли низвержены: холопы на тронах.

Настырный экс-гестаповец еще раз нагнулся к Швенду: – Ты заболел? У тебя горячка?

Но, заметив в зрачках злой отблеск, успокоился. Шумно ввалился в рядом стоящее кресло. Поправил отвисший живот и удобней усевшись, ехидно загнусавил:

– Это вы-то, короли? – противно захихикал, – вы реликтовые существа.

– Заткнись. Сам ты ящер доисторический. Много ты знаешь. Кроме, как языки вырывать, ничему не на учился.

Мюллер удовлетворенно посмотрел на шефа.

– Швенд, вас давит старческая немощь. Пейте теплое молоко.

– Ты что, старый висельник, лечить меня пришел? Навер-

ное сдать решил, пока я еще не помер. – Старик как бы очнулся от летаргического сна и шалено уставился на дряблую рожу Мюллера, – что ты несешь, хрен собачий. Сам ты грыжа маразматическая.

– Ну вот, уже и обиделся. Всегда так. – Редкий плешивый ежик экс-гестаповца на голове вызывающе топорщился, раздражал. – Я живу, как я хочу. Поэтому не унываю. Не забиваю свои мозги, как ты, несъедобной дрянью. Короли, холопы. – Мюллер желтым ногтем постучал по подлокотнику кресла. – Надо пить молоко. Тогда не так мрачна жизнь. Мао, вон, прекрасно удовлетворяет себя на меню мозгами молоденьких обезьянок. Чем не эликсир для здоровья.

– Э-э. Чтоб ты сдох раньше меня. Трупы меньше вони испускают, чем ты. – Швенд гордо запрокинул голову. Двойной подбородок вытянулся, как перед наградением. – Мы были избранным народом. А евреев никто никогда не избирал. Но они проникают во все щели власти, как ядовитый газ.

Мюллер надоедливо шаркал палкой по полу, беззлобно посмеиваясь над словами старого партийного товарища.

– У вас не хватает ума выжидать. За год в дамки. Императоры. Августейшие.

– Да, жизнь коротка. Очень коротка. Столько всего хочется. И всего за одну богом проклятую жизнь. Потому и спешка. Ошибки. Роковые. Народу зря погубили.

– Ха-ха-ха! – Живот Мюллера заходил, как при родах. – Все вы наци старостью чокнутые. Скорцени тоже подобное

начал брюзжать. Когда суд господень приближается, о народе слезно помышляете. Саркофаг деревянный что ли за дверью музыку поджидает?

– Ты мне мораль не суй, черный ээсовец. Ты куда больше народу погубил.

Мюллер пренебрежительно косил в сторону совсем упавшего духом старика.

– Я выполнял ваши приказы, всех наших партийных бонзов. Я солдат. И не будь я Мюллером, вы меня точно также, как и прочую чернь, сожгли бы в лагере на том же огне, что и евреев.

– Слушай, не дави меня, а! Я и без тебя много о чем думаю. Чего приплелся? Говори и проваливай.

– Герр Швенд, вы начали писать?

– Какое тебе до меня дело, псина смердячая.

Старик противно сплюнул в камин.

– Заметно. В гнилую философию вдарился. Хочешь отмыться перед историей в своих мемуарах. Вряд ли получится. Мы вне закона. И это уже история. О тебе тоже немало сказано. Ты ничего не сможешь ни добавить, ни убавить.

Швенд никак не среагировал. Только подрагивающие пальцы начали выдавать закипающее в нем бешенство. Мюллер понял, что достал шефа. Несколько минут помолчал. Швенд постепенно успокоился, невесело протянул:

– История выводит интересную закономерность:

Германия тогда великая, когда Россией правят бездари.

– И наоборот, – не к месту, с веселой иронией резюмировал второй старик. – Германии еще долго процветать. В этом веке в России не предвидится интеллектуальное правительство. Или хотя бы порядочное большинство в советниках. Большевики практикуют равенство, серость, лицемерие. Таланты отставляются на последние места. Преданность начальнику прежде всего. В свое время мы тоже с этого начали и плохо кончили.

– Ну и что. Слава господу нашему, что хоть все так происходит, – резко перебил Швенд. – Он-то хоть к Германии благоволит, – повернулся к Мюллеру, – но ты, я думаю, не за этим сюда приплелся, чтобы выматывать из меня остаток оптимизма.

Экс-гестаповец подвинулся ближе к огню.

– Босс, не знаю, как начать. – Начни проще.

– Американцы конфиденциально просят помочь убрать одного русского.

Швенд нейтрально молчал. Кисло смотрел на слабеющий огонек в камине.

– Кто американцы?

– Руководство спецслужб.

– Конкретней.

– Полковник Динстон.

Шеф недовольно поморщился.

– Если б ты знал, дорогой мой кат, как я им не верю. Не могу верить при всем моем желании. Янки от того и богаты,

что всех оставляют в дураках.

– Они платят, – очень осторожно вставил Мюллер. – И платят очень хорошо.

– Что мне их деньги. И тебе зачем они? Я сам этого дурачка полковника могу сто раз купить со всеми потрохами и столько же раз продать. У нас имеется досье на этого потрепанного ястреба с пришитыми крыльями. Ты же сам прекрасно знаешь, что Динстон деловое ничто. Он крупный политический разведчик только на бумаге. Тем более, для тебя говорю, что у них своих исполнителей, как котов не вешанных.

Мюллер неловко похрустел старческими косточками.

– Ему свои мешают. Да и мы лучше ориентируемся в здешней местности.

– Если мешают, значит, янки со своей сапожной головой не ту ноту тянет. Или вы уже, дорогой группен-фюрер, в политике такой же профан, как и горластый Динстон.

– Какое нам дело, с какой скрипкой сидит американец. Главное, что нам на руку его предложение.

– С какой стати на руку?

– Отбрасывание коммунизма подальше на восток.

– Ты что, debil? Какой восток? Какой коммунизм? Вспомни, где живешь. Не морочь мне голову. Ступай прочь.

Но хитрый Мюллер не уходил. Выждал время, пока Швенд снова успокоится.

– Заскучал я. Хочу потрянуть стариной. Ребята просят ра-

боты покруче. Засиделись.

– Так что тебе от меня нужно? Иди, стреляй.

– Динстон предупреждает, что дело не из легких.

Швенд снова вскипел.

– Тебе, что, на лапу дали, что ты все грызешь меня. Хочешь стрелять, стреляй. Трудно-сиди дома. Газетчиков на наши следы навести желаешь. Или думаешь, что здесь, в Кордильерах глубоко зарылся. Пластик твой на морде не поможет, если начнут допытываться. Я не понимаю тебя. В пустые авантюры суешься, как молодой. Мимо ночной вазы мочишься, а гонор свой на газеты суешь. Если хоть один репортер сунется в мои ворота, я ему укажу твои. И пусть у тебя в заднице свербит. Ничему вас история не учит. – Швенд яро смотрел на огонь, будто разговаривал не со старым товарищем по партии, но с божественными бликами в камине, которые помогали ему ощущать дыхание истории. – Забыл Эйхмана? Тот тоже думал, что уже его никто никогда не увидит. А вон как вышло. Вывезли его в; чемодане евреи, как куклу рождественскую и все. Канул в лету, как дурачок с елки. А ведь далеко не дурак был Карлуша.

– Зря он имя себе менял. – Как-то не к месту вставил Мюллер.

– Не тешьте себя слепой надеждой, – резко изменил тему Швенд. – Русский вас не ищет.

– Зачем он тогда здесь?

– Будто мало по свету раскинуто эмигрантов из России.

Таких, как ты, и прочих, и похожих.

– Нет, раз янки просят, значит это не такой русский, который приехал сюда жить. Надо помочь.

Швенд нервно отдернул полу пледа. Мерцающие тени чуел в рыцарских доспехах жутко оживили стены старинного зала.

– Что с тобой? Ты не обеспечен? Раньше ты был куда как осторожнее.

– Наверное, старая память, злость. – Мюллер, как хищник, следил за живыми огоньками в камине. В зале стало темней. И каждый всплеск пламени криво ворочал мрачные тени от доспехов на стенах. В древнем помещении стало душно и страшновато.

– Ехидна ты старая. Ребят погубишь, – не выдержал и закричал в истерике Швенд.

– Против одного.

– Дурак ты. И тупеешь к тому же. Если б русский был один, просил бы янки тебя? Он подставит. Поэтому платит. Динстон решает свои задачи. И до тебя ему нет никакого дела.

– Ну, это как получится.

– А если получится?

– Не думаю.

– А ты думай. Получше думай. Думай, когда требуется. Потом скулите на все родное болото. Иди, хмырь бешеный, поступай как знаешь. Не мне тебя учить. Не желаешь стар-

чувствовать, как все порядочные пенсионеры, ищи смерть в вонючей канаве. Бумаги только принеси по колонии «Дигнидад» и проваливай ко всем чертям. Но за каждого потерянного человека ответишь перед советом.

Старикан начал устало посапывать теплого камина. Мюллер осторожно еще раз глянул на дряхлеющего функционера, неслышно поднялся и бесшумно поплелся вдоль стены, где прямо на древних камнях попеременно с тевтонским оружием висели портреты видных деятелей последнего рейха. Вышел в гостиную, где долго томились в ожидании Скорцени, Брюнер и еще два напыщенных старика с погонами генералов старой нацистской гвардии.

Они напряженно смотрели на мрачноватого Мюллера. Тот проковылял к ним и тяжело махнул рукой, бессильно опустив голову.

– Можно действовать. Только напрямую не говорите боссу. Все через меня. За каждую потерю он обещал нам головы бить.

– А как сам босс? – участливо поинтересовался легендарный Диверсант.

– Уже не тот. Сильно сдал. Но вы ступайте. Завтра приходите, все обсудим у меня.

Глава двенадцатая

– Да, сэр. Я вас прекрасно понял. Все это мне достаточно подробно рассказывал мой бывший шеф полковник Динстон. Правда, в несколько иной интерпретации. Он был моим начальником, облечен большой долей власти, мне приходилось выполнять его приказы. В вашем вопросе я совершенно нейтрален. Мне безразлична судьба людей, мне неизвестных. Я разведчик, кадровый. Если начну беспредметно сентиментальничать, то от моей миссии в Латине останется паршивое воспоминание. Моя должность обязывает меня быть верным руководству, направившему меня сюда. А также всем имеющимся возможностям поддерживать высокий авторитет Соединенных Штатов.

Маккинрою были привычны подобные откровения, но он внимательно слушал, чтобы лучше понимать своего нового подчиненного, старательного резидента Южной Америки. Вспомнил себя в его годы. Все они мало чем отличались в усердии служить звезднополосатому флагу. Только годы корректируют отношение к службе и идеям, утверждаемым неизвестными авторами. Он не стал ни в чем разубеждать в общем неглупого и верного резидента. Поднялся, прошелся к окну, уселся на подоконник, мельком взглянул на майора. Тот больше вглядывался в глянец своих туфлей и проявлял

внешнюю скромность.

– Мистер Рэй, приходит время и ветеран в какой-то период службы начинает учить молодого премудростям профессиональной работы. Но вы сейчас далеко не новичок в службе, должны улавливать не только саму специфику, но и ощущать глубиной своего подсознания подтекст нашей работы. Понимать всю гамму многообразия интересов сторон, находить нужное в нужное время и действовать согласно политическим, экономическим, моральным, психологическим аспектам, сложившимся в мире. Тогда ваш рейтинг в определенных кругах будут высоко ценить. Иначе, – Маккинрой многозначительно постучал по подоконнику фалангой пальца, – останетесь на уровне полковника Динстона. Он знает только то, что говорит. На дальнейшее у него не хватает, скажем мягко, своего ума. Он солдат: не политик. В нашей области ему делать нечего.

– Но позвольте возразить вам, сэр, – резидент недоверчиво смотрел на своего нового патрона, – почему же тогда полковник так высоко посажен в Вашингтоне, читает лекции.

Эксперт снисходительно улыбнулся мягкой улыбкой родителя своему дитяти:

– Не в Вашингтоне, в Лэнгли. Это тоже одна из игр, затеянных с дальним прицелом. Сам Динстон имеет задачи и уровень исполнения операций по линии рядового состава. Понимаете. Нам нужны некоторые элементы простой службы для сокрытия более далеких целей. Он нам нужен, как

некая забавная ширма. Чтобы, например, за его широкой спиной не были видны вы.

– Или вы, – догадливо вставил майор. – Но, глядя на полковника, так не подумаешь.

– В этом и есть наше искусство хитрой простоты. – Маккиной встал, подошел к резиденту. – Майор, мы мировая держава. Сверхдержава. Могущество наше растет. Наши интересы имеют свое обоснование в каждой стране, в каждом регионе. На нас косо смотрят все, кто имеет возможность сопротивляться. Жизнь требует максимальной гибкости, расчета, дружеских отношений. Даже, если они фальшивы. Мы наказываем своих недругов. Но, – эксперт заговорил тише, отчетливее, – если мы в своем оппоненте можем иметь дружеское лицо, почему нам не договориться. Зачем нерасчетливо озлоблять группы, которые при иных обстоятельствах могут быть дружественны к нам и даже союзниками. Это большая политика. И политик, майор, думает совсем иными критериями, чем солдат. Понимаете?

– Как не понимать, сэр. В книжках тоже так объясняют. – Резидент старался умнее ловчить, тоже не осторожно забредая в дебри пустой риторики. – В верхах идут свои игры, тайные расчеты. А мы, солдатики, гадай: как поступать, чтобы угодить своим начальникам и не скривить общую линию высшего руководства. Тут политика не поможет. Здесь нужно врожденное чутье карьериста. Нужна информированность. Мы крутимся между ваших шестеренок подмазкой для ва-

ших глобальных целей. Наши бока трещат, как пивные бочки. Наши нервы всегда на пределе. Мы гадаем на кофейной и мозговой гуще. А с нас требуют так, будто мы обо всем извещены лучше, чем наши начальники. Через месяц-два вас переведут ближе к центру, сюда же придет другое подобие мистера Динстона, и снова начнется вариться такая же воющая каша, как и до вас.

Маккинрой уважительно кивнул:

– Похоже, жизнь вас здорово загрузила. Вы глубококомысленный пессимист.

Рэй не поднимал головы. Голос его становился капризным.

– Последние два года я не понимал, что делал. Жалованье, правда, соответствующее. Но все равно непривычно и обидно.

– Считаете, что вас недостаточно оценивали как резидента?

– И это тоже, – неожиданно вспыхнул майор. – Мне сорок лет. Это возраст, когда сам себе начинаешь давать критическую оценку и как работнику, и как личности. И если она не сходится с той, которую предлагает начальство, то неудовлетворенность начинает накапливаться во всем. Тщеславие есть тщеславие. Никуда от этого не деться.

Маккинрой уважительно посмотрел на подчиненного и кивнул головой.

– Что ж, майор, значит вы достигли того возраста, когда

начали глубже понимать подводные камни большой и малой политики. Сейчас вы имеете, и я подтверждаю это своим присутствием, шанс проявить не только политическую гибкость разведчика, но и порядочность состоявшегося офицера. Ваше понимание той задачи, которую я перед вами. Ставлю, ее решение вами определяют ваше лицо на значительно долгое время в вашей служебной карьере. Эксперт остановился на мгновение, посмотрел на замершего майора, и с большим внушением продолжил: – Вашу личность, ваше положение, ваш авторитет, имидж, наконец, ваше место в картотеке компетентных сотрудников аппарата.

Рэй застенчиво поджал губы:

– Приятно слышать подобное, сэр. Дай бог, чтобы все так было.

Маккинрой подошел ближе.

– Запомните, мистер Рэй, вы подчиняетесь только мне. Ваши люди подчиняются только вам и мне. Они не должны прислуживать третьим лицам ни за какие деньги. Проследите за этим. Они не должны делать то, что не нужно нам. В этом залог вашей служебной удачи. Минимум Европу, командировочные разезды по странам и континентам я вам гарантирую.

Рэй посветлел. Надежда и улыбка украсили его молоджавое симпатичное лицо.

– Спасибо, сэр. Все, что от меня зависит, будет исполнено.

– Большого от вас пока и не требуется, майор. О'кей.

– О'кей, сэр. – Рэй, неожиданно для себя охотно и весело изогнулся в шейном поклоне.

Глава тринадцатая

Буэнос-Айрес.

Аэропорт. Синее небо. Солнце. Теплый, ласкающий ветерок.

Трап самолета; рейс: Касабланка – Буэнос-Айрес.

Усталые пассажиры осторожно спускаются по крутым ступенькам передвижной лестницы-трапа. Внимательно всматриваются и вперед, и под ноги. Следом, позади всех уверенно и спокойно ступает пожилой китаец в черной сутане монаха с острым взглядом одного глаза. Его внимание сквозит поверх голов впереди идущих настойчиво и изучающе. Он идет с малышом, взявшись за руки, не спеша, степенно, плотно упирая свой увесистый резной посох в ступеньки. Верхняя часть посоха представляет сидящего орла с вертикально поднятым одним крылом, где, по замыслу его создателей, каждое перышко должно выниматься, имея небольшое, узкое, заточенное под бритву лезвие.

Привет таможене.

С въедливым интересом антикваров служащие продолжительное время вертели палку в руках, переглянулись, махнули рукой и пропустили монаха с ребенком на суверенную территорию Аргентины. Это был, конечно, Ван. Но при вредливой службе это иностранное имя ничего не говори-

ло, и они с легким сердцем продолжали досматривать багаж остальных визитеров.

Китаец дальше также медленно прошествовал с ребенком из здания. Синего цвета такси мгновенно подрулило к разновозрастной паре. Шофер-мулат быстро выскочил из машины, услужливо открыл дверцу, приглашая воспользоваться услугами транспортного сервиса. Но некий, очень приткий высокий прохожий в строгом черном костюме и прилизанными волосами (а-ля Делон) подскочил к машине и сунулся в салон автомобиля. Не менее строгий посох скромного служителя оккультных наук молниеносно и жестко уперся в стопу наглеца. Тот по-бабьи взвыл от боли, натужно выдирая ногу из-под палки. Но острое деревянного оружия садистским прессом продолжало болезненно давить. Наконец, после долгой пытки, прохожий был небрежно отброшен в сторону, где остался сидеть, издавая массу проклятий и нечленораздельных звуков. Озирался по сторонам в надежде увидеть полицейского. Но, как назло, ни одного блюстителя порядка на расстоянии прямой видимости не имелось. Приезжие по-хозяйски устроились на заднем сидении. Таксист не стал дожидаться развязки от повеселившей его неожиданной стычки, быстро тронул с места. Ван показан ему бумажку с записью, куда следовало ехать. Таксист понимающе кивнул, улыбнулся, как клоун, увеличил скорость.

За ними мчались три машины, в которых находилось девять среднего возраста китайцев: также степенных, также

молчаливых. В Аргентину они прибыли этим же самолетом, но с некоторым емким багажом. В пути машины притормозили недалеко от китайского ресторанчика, где Ван из смежной комнаты внимательно слушал ответы хозяина сопровождающим его монахам.

Видимо разговор удовлетворил его, так как дальше Ван был менее насторожен и хмур, чем до этого.

В трех шикарных номерах гостиницы они переоделись, собрались у Вана. Он уже был облачен в темную спортивно-туристическую форму и сидел у золоченого камина, покручивая в руках свой диковинный посох.

– Летим в Посадас, – без всяких предисловий объявил он на древне-китайском. – Там наши люди перевезут нас через границу в Энкарнасьон. Необходимо побыть на месте того лагеря, чтобы определить, в какую сторону мог направиться наш брат. Сен Ю, вся цепочка извещена о том задании, которое им предстоит выполнить? Заминок не будет?

Жилистый, знакомый нам по первой книге, монах со скрюченным носом орла и неподвижным лицом варана глухим голосом и очень медленно изрек:

– Не должно быть. Наши отслеживают ситуацию. На границе получим оружие. В Асуньоне будем знать, кто из янки появлялся там в последнее время.

– Связь с Хан Хуа налажена?

– Пока нет. Там же должны получить более конкретные сведения. Здесь не знают, что происходит в Парагвае.

– Хорошо. Ребенка оставите у хозяина ресторана. Мы отъезжаем. Чен, следи за хвостами. – Ван хлопнул ладонью по столу. – Здесь нам никто ничего не может вразумительно ответить. Будьте осторожны. Что-то очень напряженно на континенте. Это задворки северных Штатов. Они здесь хозяева. У них имеется в этих странах многочисленная разветвленная агентурная сеть. Они прослеживают каждый мало-мальски значащий город, фирму, не говоря о границах, вокзалах, аэропортах. Нам нужно быстрее выходить на Хан Хуа, иначе мы долго будем в неведении. Желательно не задерживаться в Южной Америке. Теперь по машинам.

Глава четырнадцатая

Мудрить что-либо неординарное, сверхъестественное Рус и не мог. В его неустроенной жизни опасность, как даровая проститутка, всегда находилась за углом. Он заранее завел полезные знакомства с одним пожилым индейцем, которому немало помог деньгами. Абориген показал монаху много мест в горах, где схимник мог уединяться для своих дзэн-одиначеств.

Сейчас он встретился с ним. Спросил:

– Имеются ли какие возможности для нелегального перехода в Бразилию?

– В этом нет труда, – охотно и на довольно понятном ломаном испанском отвечал, но больше жестикулировал индеец. – Надо монета, оружие.

Рус показал мешочек с деньгами, которые предусмотрительно изъял из сейфа начальника лагеря. Небольшой дипломат с пистолетами.

– О-о, очень хорошо. Но деньги не мне, – пояснил амиго, – деньги, кто знает дорога, граница. За деньги они все сделать.

В Сан-Педро-Росарио индеец нашел своих приятелей. Они долго пересчитывали купюры, любовно осматривали два револьвера. После непродолжительного обсуждения, но более после того, как монах предложил свой реквизицио-

ванный, опять же у начальника лагеря, мерседес, они согласились. Поехали четверо проводников, отлично знавшие джунгли и границу, приятель индеец. В машине показали карту, на карте полноводную большую реку Парану.

Это самый быстрый и безопасный путь. Вожди местных племен подсобят, если им подарить красивые консервы и соки.

Скоро показалась река. Недалеко находились припрятанные в густом кустарнике узкие длинные лодки. Все нужное и съестное индейцы имели при себе. Будто всю жизнь только и занимались мелкой контрабандой.

Живописные берега очаровательной Параны, мощная благоухающая зелень, величавый простор полноводной реки успокоил внешнюю настороженность монаха. Он сидел на носу лодки и с болезненной грустью вспоминал почти такое же плавание вдоль бесконечных берегов очень далекого сейчас Китая. Как все было до боли знакомо. Неужели он опять будет долгое время скрываться, бегать, спасать себя неизвестно от чего. Нужно ли снова все это? Как-то за все время, проведенное на земле Южной Америки, ощутил такое одиночество и социальную никчемность, что только здравомыслие трезвого рассудка не бросило его в какую-нибудь смертельную разборку между партизанами и правительственными войсками. Невозможно было оставаться в стороне и видеть, как люди собираются на митинги и как жестоко гоняют их полицейские подразделения. Крови на асфальте и тротуа-

рах оставалось не меньше, чем на какой-нибудь живодерне быков. Рус был против их явного экстремизма. Но люди боролись за свое, и он не против был им помогать. Хотя и ощущал свою неправоту. Его уважали местные командос: но он был для них иностранец, а значит чужак. Больше, конечно, его боялись.

Может от того, что спарринги с ним, которые любили боевики, заканчивались для них непредвиденными нокаутами. Но монах был нужен и полезен. Он неплохо обучил группы сопротивления ловко применять палки с крюками против полицейских. Позже сноровистые парни умело цепляли полицейских за ноги и быстро разрушали их непробиваемые ряды. Русу приходилось менять города, так как его всегда сравнительно быстро высчитывали. Это он замечал сразу. И вот лагерь. Монах был снова против организации вооруженного нападения. С ним согласились. Но, когда дошло до дела, Рус догадался, что все это провокации. И он незаметно уехал, оставив повстанцев, узников самим решать свои проблемы. Монах решил остаться один. Пришло время, когда за ним должны были приехать, так как имеющаяся связь прервалась и настоятель должен будет кого-нибудь прислать. Из Бразилии у Руса будет возможность передать сигнал в монастырь. Надо только прижиться, осмотреться.

На коленях, завернутый в полотенце, покоился автомат. Другие три его пистолета находились в спортивной сумке.

Индейцы были людьми слова: умело вели лодку вдоль бе-

рега, переживая в зарослях катера пограничников, обходили возможные пикеты засад.

Кругом было такое земное спокойствие и сонная идиллия, что если бы не неожиданные крики попугаев, обезьян и прочего лестного братства, Рус бы заснул долгим и крепким сном. Но берега жили, и от них исходило не столько жизненной доброты, сколько коварной опасности в борьбе за выживание. Индейцы имели длинные палки и ими ловко отбрасывали от лодки плывущих змей, водяных крыс, крупных хищных рыб, тыкающихся часто головой о борт пироги.

Во время речного затишья чисто человеческая грусть и ностальгия по прошлому крепко охватила его. Беглец по жизни, вечно скрывающийся: это вырабатывало дух уже не добровольного отшельничества, а изгнанника по року судьбы. В нем росла жажда читать, но жизнь давала немногие минуты, когда можно было уединиться и иметь при себе интересующие книги. Он знал неплохо уже четыре языка и умел не только пользоваться в разговоре, но и читать многое из литературы. Философствующее зерно, заложенное духовными отцами, требовало работы мысли, дальнейшего самообразования. Он ощущал голод по информации. Теперь решил инкогнито от всех пересечь океан, чтобы вообще никто не догадывался, добраться до монастыря. Уединиться в отдаленном районе Тибета и навсегда предаться собственным размышлениям, коих накопилось за эти годы более, чем предостаточно.

Русу резонно казалось, что он сумел довольно удачно исчезнуть из лагеря и, наверное, оторвется на время от возможных преследователей.

За кормой лодки веселыми бурунками расходились игристые волны. Солнце начало неспешно опускаться на кроны вековых гигантов. Тень от деревьев увеличивалась, скоро лодка шла в густой тени, ломая сопротивление широкого напора воды. Рус совсем расслабился и уже по-детски любовался редкими по красоте изломами берегов, вычурными картинами одиноких деревьев гигантов, разлаписто нависающих над водой своей необъятной громадой массы веток и листьев. Резкий вскрик индейца вывел его из долгой задумчивости. Лодка круто взяла в сторону.

Тренированный глаз Руса быстро определил опасность. Со свисающих над водой веток исполинских деревьев во многих местах виднелись ровные, как палки, висящие змеи. Длина некоторых доходило до четырех метров.

Старый индеец ловко подцепил пресмыкающееся шестом и коротким движением молниеносно отсек ей голову. Туземцы умело освежевали жертву, разложили костерчик в небольшой печурке и скоро деликатес, нарезанный небольшими кусками, жадно поглощался крепкими челюстями.

Такой змеи хватило бы дня на два. Но индейцы, насытившись, бросили остатки в реку, где вода обильно кишела огромным количеством всяких прожорливых тварей, которые остервенело набросились на поживу.

Вскоре повстречались пироги местных индейцев. Проводники перевели, что вскоре ожидается гроза и они приглашены в ближайшее селение вождем племени, которого они по родственным связям хорошо знают. Рус желал бы плыть далее в ночи, но все же гроза в кромешной темноте на большой реке всегда представляет реальную опасность для любого путешественника. И поэтому лодки скоро плавно вошли в устье небольшого притока Параны.

Непривычно и диковато было видеть в сумраке джунглей вблизи цивилизации архаичные хижины индейцев из веток и тростника. Полуголых женщин, серьезно занятых своими немудреными бытовыми делами. Бедность, граничащую с нищетой. При появлении гостей на территории деревни, все население бросило свои дела и сбежалось на смотрины. Несколько банок консервов и соков пестро украсили почетное место в хижине вождя на причудливой подставке. Угощали хозяева своим, чего монах старался не касаться. Но огненной воды было достаточно с собой и проводники, несколько не смущаясь, здорово подпили с вождем и старейшинами. После чего Рус отнес своих мертвецки пьяных приятелей в отведенный для них вигвамчик из веток и кожи. К полночи ударил сильный дождь и монах благодарил судьбу, что удалось немного побыть одному среди яростного штурма небесной природы. Забыться среди общей вакханалии воды и шума. Не видеть болтливых индейцев, с нескрываемым любопытством разглядывающих его во время пиршества. На

ночь ему выделили женщину средних лет, видимо вдову, но монах подарил ей несколько банок тушенки, кучку патронов и отпустил. Она с превеликой гордостью и походкой знатной особы прошествовала с подарками к вождю. В тридцати шагах свирепствовали шумные воды вздыбившейся Параны. Сейчас, в темноте, в блеске ослепительных молний, она была так не похожа на ту дневную, которая лениво переваливала свое аморфное переливающее тело по дну широкой долины. Дождь с дикой силой бил ее по зеркальной поверхности, раскалывал на мириады светящихся звездочек. Небесное корыто щедро лило и лило, наполняло до самых краев реку и она, как перегруженная баржа, притихала, обидчиво ежилась, морщилась тысячами маленьких всплесков волн по всей акватории воды и спешила исчезнуть за далеким поворотом в ближайшую неизвестность.

Частые вспышки молний освещали всю реку, черной стеной стоящие джунгли. В грохотании ночной грозы казалось, что это неизвестное и бесчисленное воинство грозно подбирается к неподвижному монаху, вызывая его на решающий и последний бой. Было мрачно и жутко от живописующей игры теней, ярких отсветов в воде, неожиданных шараханий молний и оглушающих все мировое пространство громовых раскатов грозы. Стихии не терпелось все разрушить, разметать, запугать, запрятать подальше в норы.

Рус сидел под навесом. С края крыши сплошной стеной лилась вода. Все индейцы разбрелись по своим хижинам. К

утру гроза ослабела, мощный ливень перешел в небольшой дождик, который скоро закончился. В преддверии утра задремал у большой реки и монах. Вдали, за горизонтом, в сизой дымке утра поднималось настороженное светило. Но день еще не начался...

Глава пятнадцатая

В отчаянном бессилии жестикулируя руками, губами, челюстью, благородных кровей полковник Динстон выскочил из особняка Теневого, донельзя расстроенный и недовольный. Он тарашил глаза по сторонам, не зная, на чем сорвать свое профессиональное бешенство. То, что сказал ему переводчик, сухо считавающий с вялых губ полуживого экс-властелина, делало все отвратным и непонятным. С досады у полковника болезненно выпучивались глаза, нервно кривились губы.

"А-ах, чтоб он раньше сдох, этот живой трупик, – выговаривал в сердцах про себя Динстон, выискивая, что еще найти в своем небогатом лексиконе, чтобы быстрее согнать с себя накопившуюся за время беседы энергию. – Видите ли, какой нашелся: искатель миролюбивой истины. С колеи мщения бывший судорожно переполз на гнилую философию миротворчества. Каков, а: морда, жить хочет. Слюнтяй. Его, понимаешь ли, больше интересует состояние демократии в Соединенных Штатах. Ну, что ты тут скажешь? Одной ногой в могиле и на тебе. Вмешивается негодяй во внутренние дела суверенных могущественных государств. Кто его просит? Кого он представляет? Крыша у него не в ту сторону поехала. А может и вообще протекать начала. Паралитику о мона-

хах твердишь, информацию выпрашиваешь: а он восковой рожей крашеной мумии несет дребедень о правах человека, бесстыжую чушь про законность, анекдоты прошлых веков о взаимоотношениях. Что делает с людьми старость и болезнь. И он, полковник спецслужб Соединенных Штатов, самолетом срочно летел в эту прокисшую Поднебесную, чтобы потоптаться у кровати долго-умирающего. Жалко зря потраченного времени. Что-то мир быстро и не в ту сторону искривляется. Непонятно, кто чего хочет.

Динстона круто заносило на поворотах. Если бы не подчиненный, много антикварных ваз разлетелось бы от энергичных рук обиженного полковника. Но он, не обращая внимания на кажущиеся мелочи, почти бежал к стоянке автомобиля.

Быстро впрыгивая в машину, так лягнул дверцей, что она снова открылась. От такого своеволия бесчувственного металла засадил ногой в обшивку двери. Та прогнулась во внешнюю сторону, да так и осталась болтаться, жалобно поскрипывая на завесах.

– Это у нас так машины делают! – дико заорал он. Конкретно выругался, вылез из машины и снова долбанул ногой по двери.

Дверца шелкнула затворным движением карабина, закрылась... Теперь Динстон не мог ее открыть.

– Закажи новую машину, водила! – гаркнул он во все горло шоферу-телохранителю, – если не можешь смотреть за

старой. Двери проверяй. За что жалованье получаешь? Козел.

Сам сел на заднее сиденье, дрожащими пальцами достал сигарету из пачки. Оставшиеся, вместе с пачкой вышвырнул в открытое окошко.

– Мир блефует, сволочится. – Орал он в затылок шоферу. – Если такие титаны, как Теневой, сдаются, вся Вселенная завязнет в болоте пошлого либерализма. Лучше бы он сдох еще тогда, телячья душа. Сволочь, книжки печатает. Чему может учить безнадежно больной, оторванный от жизни, который дышит воздухом своей вонючей постели. Микробными парами. У него мозги-сплошная брюзжащая червоточина, рассадник бацилл и вирусов. Крест на нем нужно ставить осиновый, а он еще пальцем куда-то тычет. Живой труп. Кормчий для слепых и глухих. Жить хочет, сволочь партийная. Правильно монахи его пауками потравили. Туда ему дорога. Героин дать, чтобы успокоился. Черт возьми, – Динстон задумался, – поддерживает ли он отношения с членами правительства и прочими влиятельными силами. Мао еще держится и свою политику тянет без всяких сомнений и изменений. Здесь все нормально. Но кто на смену придет? В верхах функционеров никто ничего определенного предсказать не мог. Все затаились: толкаются у постели Великого и также непредсказуемы, как и их высказывания. Кто левей, кто правей-невозможно определить при общей пустоголосице преданности идеям и пути Великого Вождя. Для самого

Динстона Мао ассоциировался не столько, как вождь великой нации, но скорее как хитрый и ловкий, староста слишком большой деревни. Вождизм все же требует интеллекта, а у Мао его очень недоставало. Зато указов, подсказок, как жить, куда идти, этого пропаганда лила с избытком.

"Каждый только для себя"-неожиданно и как-то досадно дошла до Динстона банальная истина. Вернее не то, что каждый за себя, а то что именно вообще все, кого ни спроси, от мала до велика только о себе и думают и на всех им одинаково наплевать: президент ты или какой бомж с ближайшего двора. Он не заметил, как с мыслью снова перешел на слова и ругательства. – "Шкурные сволочи. Бабы подъябочники. Больше они никто и ни на что не способны. Поэтому с ними так трудно вести переговоры. Не мужики-слюнтяи".

От таких крутых казарменных мыслей у Динстона заломило в висках. Он расслабился и тут же подскочил. Не заметил, как выпустил из рук дымящуюся сигарету, и она странно и подло закатилась ему под зад.

Снова ужасно выругался, отряхнулся, заорал на бедного шофера:

– Живей гони в посольство. Документы еще не оформлены. Самолет через два часа.

– Полицейских много на дорогах, – Спокойно и даже, как показалось Динстону, небрежно бросил шофер.

– Ай, – махнул рукой полковник, – и ты такой же баран, как эти язвенные китайцы. С вас даже шерсть некачествен-

ная на валенки в Сибирь.

На этом горевая судьбинушка полковника не закончилась. Он затерял какую-то важную бумажку и его долго не могли признать в родном посольстве. И только звонок из Вашингтона вернул храброму полковнику его доброе имя и заставил чиновников подчиниться.

– Вы у меня еще горько пожалеете за свой бюрократический цинизм, бумажные черви. Заготовливайте для себя места в очередях на биржу и лучше в малых странах, негодяи. Самолет его уже давно улетел, и полковник до следующего рейса три часа усердно распекал напуганных сотрудников за их неуважение к американскому флагу и его подданным.

Чисто по-солдатски он, конечно, был прав: намного правее многих. Но и дальше какая-то злая напасть преследовала его. Такого с ним отродясь не случалось: оступился при подъеме по трапу самолета, вывихнул сильно ногу и мешком покатился вниз. Спасибо хладнокровным подчиненным: вовремя подхватили. А так до самого низа еще катиться и катиться. В самом салоне лайнера одна древняя старушенция уж совсем нечаянно пролила ему горячий кофе на сорочку. Надо отдать должное полковнику: он молча перетерпел издевательство судьбы над собственной персоной. Но от переизбытка напряжения, чувств, накопившейся черной энергии неожиданно и срамно запустил долгого дурно пахнущего журавля.

После чего сник, съежился, злобно подумал о тайных про-

делках монахов, исчез в своем кресле и старался не показываться на глаза понятливым и деликатным пассажирам. Но все же нашелся какой-то негодяй остряк из задних рядов и, посмеиваясь, потребовал выйти указанному господину из помещения на свежий воздух. Хорошо, что телохранители не сплеховали.

Подошли к весельчаку, заехали ему кастетом и он до конца рейса успокоился.

Уснул и полковник. Благо, что с самолетом никаких неприятностей не произошло. Динстон вяло захрапел, забыв и себя, и окружающих, и все свои срочные важные дела, и все то, что так настырно досаждало ему в последнее отчетное время.

Часть II. Приют

*«По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
И зачем я на свет появился,
И зачем меня мать родила?»
из к/ф "Республика ШКИД"*

Глава первая

Большое грязное солнце медленно поднималось над громадной кучей городской свалки бытовых отходов. Смердячая вонь ядовитым туманом стойко висела над заброшенной землей. Иногда порывистые толчки утреннего ветерка вихрем разносили ее в разные стороны.

Несколько раз в день большие машины привозили из города отбросы повседневной жизни. Мощные бульдозеры сдвигали все в одно место. Куча, как раковая опухоль, настойчиво и угрожающе росла вверх и в стороны.

Неподалеку находилось множество сваленных газет. Их никто не сдвигал в общую свалку. В этих выброшенных бумагах ютился маленький Хуан. Он мог точно всем сказать, когда ему стало четыре года. Это было тогда, когда у него был еще свой дом и свой отец и мать. Но однажды дом рухнул. Мать, отец и многие соседи не вышли из него.

Хуан был готов кричать и плакать. Но кругом ходили взрослые люди. Они не плакали. Даже не жалели его. Молча разобрали развалины, вынесли тела. Свезли на кладбище, похоронили в общей яме. Все делалось без слов. У каждого хватало своего горя. К Хуану никто не подошел, не спросил: кто он и откуда. Как будет жить дальше. В этой местности царствовал кроткий закон с жестокими последствиями.

ми-закон самовыживания: молчаливый, невидящий.

Тогда Хуан долго стоял у развалин бывшего дома. Вечером пошел бродить по улицам. Холодные окна больших домов больно напоминали, что делать ему здесь нечего. Так с сухими глазами встретил он ночь. Шел по городу, шел, пока не набрел на свалку на окраине. Здесь он остановился и дал волю своим слезам.

Ночь. Детская боязнь темноты. Живая, смердящая, влочащаяся куча, которая от порывов ветра приподнималась местами и издавала вибрирующие устрашающие звуки ужасного шипения и шелестения. Но идти было некуда, и Хуан, вглядываясь в крошечную темноту, осторожно полез под газеты. В них было тепло. Даже уютно. И после обильных слез он уже считал, что совсем неплохо устроился.

Сейчас ребенок лежал в ожидании первых утренних машин. Коварный ветер нагло проникал под газеты и зябкий холодок студил тело. Хуан подкручивал бумагу под себя, но все равно где-нибудь в другом месте снова подкрадывался подлый холодок.

Но не это сейчас тревожило мальчика. Главным для него было определить первых конкурентов – собак. Для этого имелась хорошая палка. Не спрашивайте его, когда он перестал их бояться. Не ответит. Помнит только, что когда вместе со зверями копался в объедках, они рычали, отгоняли его. Но есть хотелось. Вот тогда и оказалась в руке увесистая дубинка, при помощи которой он обрел равное положение

среди них. Благо, что большие собаки понимали его и менее всего обращали внимание на малыша.

Скоро подойдут машины. Сегодня ему надо найти конфеты, пряники. Важно успеть до прихода больших мальчишек. Этих палкой не отпугнешь. Они сами каждый раз прогоняют его. Прогоняют потому, что он не пошел к ним в шайку. Приходится после них искать то, что остается. А он не пошел к ним, потому что как-то до этого разбудили его старые женщины. Привели в подвальный приют, где они на свои скромные пенсии содержали таких же, как он, маленьких детей. Там сдружился с двумя еще меньшими, чем он, девочками, которым и обещал принести что-нибудь сладкого.

Только бы машины сегодня раньше приехали. Он успеет до прихода шумных орав перерыть все, что можно. Хуан еще раз прижал газету, чтоб не поддувало. Закрыв глаза. Сейчас подойдут машины и надо действовать. Он услышит рокот моторов. Сегодня он должен быть первым. Он обещал.

Странно...

Невдалеке послышалось чьи-то неторопливые шаги. Приближаются. Перетаптывание. Шорох бумаги.

Потому, как передвигался кто-то, мальчуган догадался, что это чужой. Ему стало тоскливо и страшно. Чужой всегда большой и злой. Он прогонит маленького Хуана. А может и набить. И тогда ему снова придется видеть обидные слезы своих подружек. А он мальчишка. Он обещал. Он сказал им, что он самый сильный в городе. Хорошо, что с прошлого ра-

за припрятал одну конфету. Плохо, что пришел чужой. Почему так рано?

Чужой остановился у газет. Хуан оробел. Услышал, как зашуршала бумага. Затихло. Потом снова зашуршало. Тихо. Еще раз. Похоже, чужой просматривал газеты. Ребенок успокоился. Медленно высунул голову.

Увидел взрослого парня. Тот присел на стопки журналов и быстро читал. По нему было видно, что в отбросах он копаться не будет. Хуан осмелел. Незнакомец сидел к нему боком. Строгий профиль чужака, острый взгляд не давал повода для раскрытия своего убежища. И Хуан лежал, не шевелясь. Шея замлела, и он стал медленно опускать голову. Газета предательски зашелестела. Молниеносный взгляд незнакомца быстро нашел обезумевшие от страха глаза Хуана. В голове мальчишки с быстротой драпающего стучало: "Теперь все. Ничего не сможет принести в приют". Он сжался весь и неожиданно для себя заплакал. Заплакал второй раз в жизни.

Пришелец, внимательно осматриваясь по сторонам, подошел к нему. Железная штучка в его руках, какие видел Хуан у полицейских, настороженно замерла в крепких ладонях.

Присел.

Казалось, он не обращал внимание на плачущего малыша. Также продолжал взглядом хищной птицы шарить по сторонам, что-то выискивая, высматривая. Наконец его глаза снова нашли закрытое руками лицо Хуана.

– Чего испугался, отшельник? – будто не к нему обратился взрослый.

Но Хуана нелегко было остановить. Напряжение долгой ночи и невосполнимой обиды неудержимым потоком лились из глаз захлебывающимся рыданием.

Похоже, незнакомец понял его. Молчал. Ждал, пока малыш выплачется. Продолжал свое чтение, изредка посматривая по сторонам.

Хуан перестал плакать также неожиданно, как и начал. Неожиданно для себя. Никаких угрожающих действий со стороны пришельца не следовало. Утирая слезы, притих. Незнакомец отложил газету. Мальчик ждал, когда взрослый что-нибудь скажет. Но тот молчал и как-то неземно смотрел в беспросветную даль. Хуану снова стало страшно.

– Дяденька, вы не будете меня прогонять?

Плачущий голос вывел незнакомца из раздумий. Продолжая смотреть за горы мусора в грязную синеву колыхающего утра, устало произнес:

– Зачем? Какое я имею право? Это ведь твое место.

Хуан снова залился слезами. Первый раз он встретил здесь того, кто не собирается гнать его с насиженного места.

– Меня все прогоняют отсюда.

Незнакомец сурово посмотрел на свалку.

– А кому нужно прогонять тебя отсюда?

Ровный жесткий голос взрослого успокоительно действовал на Хуана.

Он больше высунулся из газет. Вытаращил свои черные глазенки и по-стариковски, упорным взглядом изучал странного пришельца.

Неожиданный вопрос подтолкнул его к ответу. Но опыт подсказывал не торопиться. Трудно было поверить, что незнакомец вот так просто выслушает Хуана и поможет ему. Его ведь всегда гнали и били.

Взрослый заметил замешательство мальчугана:

– Говори, не бойся. Я сам бездомный.

– Бездомные меня и гонюют, – Хуан обиженно всхлипнул.

– Догадываюсь. – Незнакомец с каменным лицом снова осмотрелся кругом, – говори. Я тебя в обиду не дам.

– А вы не обманываете меня? – недоверчиво отреагировал малыш.

– Зачем?

Хуан придирчиво, уже по-свойски смотрел на пришельца. Не было видно, чтобы тот готов был лгать.

– Мне надо первому, пока никто не пришел, собрать конфет.

Незнакомец ностальгическим печальным взором долго смотрел поверх Хуана.

– Это я понял. Скажи, кто загнал тебя сюда?

Губы Хуана снова скривили слезы:

– Не спрашивайте дяденька про мою жизнь. Я часто караюлю здесь машины, чтобы собрать конфет для маленьких девочек. Мне надо успеть до прихода взрослых. Я боюсь, что

не успею.

На суровом лице незнакомца дрогнули веки. Его жесткий взгляд остановился на куче мусора.

– Дяденька, вам тоже плохо?

Скупая, зловеще неземная улыбка пришельца сделала его лицо неестественным.

– Взрослым не может быть плохо.

– Я не хочу, чтобы вы заплакали.

– Ну что ты. Взрослый не имеет право плакать. Я тебе удивляюсь. Ты маленький, но в тебе огромное человеческое чувство борьбы и сострадания. Я должен тебе помочь.

– Спасибо. – Хуан не сдержался и снова засопел. – Помочь надо не мне, а девочкам. Они еще меньше меня. Я уже могу жить без конфет, а они просят. Вам надо найти палку от собак, чтобы удобнее было искать конфеты. Они часто на самом низу лежат.

Теперь незнакомец как-то забыто, но уже по-человечески улыбнулся.

Послышался отдаленный рокот мощных моторов. Скоро тяжелые машины, не останавливаясь, прямо на ходу опрокидывали отходы и скрывались за поворотом. За ними показались стаи собак.

Хуан резко откинул газеты, вскочил, по-охотничьи схватил свою маленькую дубинку.

Пришелец ловко, незаметно для Хуана, поймал его за руку, привлек к себе.

– Отпустите меня, дяденька! – истошно заорал малыш. –

Вы обещали помочь мне! Меня ждут!

– Сегодня тебе не надо торопиться. Сегодня у тебя будут настоящие конфеты.

– Я тогда на завтра запасусь. Незнакомец поднял ребенка на руки.

– В ближайшее время тебе это не понадобится. Хуан не верил и снова заплакал:

– А где вы возьмете?

– В магазине. – По-волшебному и очень просто для малыша ответил взрослый.

Хуан замер.

– Это там, где продают за деньги?

– Там.

– А где их взять?

– Деньги есть. – Так же просто для малыша снова ответил на этот труднейший жизненный вопрос незнакомец.

Теперь уже Хуан от детского счастья не мог остановить свои слезы. Такое ему снилось только в редких снах. Там всегда вкусно пахло: но какой это вкус, он не помнит.

– Вы не обманываете? – решил по-своему проверить невероятное ребенок.

– Зачем мне обманывать. Мы и девочкам твоим принесем конфет. И еще чего-нибудь интересного. Хотя я и сам не знаю толком, какие они конфеты?

Хуан вдруг погрузился.

– А завтра вы уйдете. Мне обязательно надо запастись, чтобы на потом было.

Показались ватаги мальчишек. Они шумно и деловито набросились на кучи и сноровисто стали рыскать в них, хвастаясь друг перед другом удачной находкой. Самый старший из них ходил невдалеке, руководил операцией поисков. Он иногда искоса поглядывал в сторону Взрослого и ребенка. Собак отогнали в сторону, и те рылись во вчерашних отбросах, от которых исходил тяжелый запах прошлого дня. Незнакомец постоял еще немного, запоминая довольно нередкую картину для городов Латинской Америки. И медленно побрел с Хуаном к городу.

Глава вторая

В небольшой уютной гостинице на окраине Асуньона Хан Хуа сидел долго и неподвижно, словно застывший в ожидании варан. Молодые ребята его группы также неподвижными изваяниями расположились по углам номера.

Хуа высчитывал, старался понять Руса, как мог он определить за собой след: интуиция или ошибка противника. Возможно перед смертью заместитель начальника лагеря, спасая свою шкуру, выложил некоторые сведения. Потому брат и бросил лагерь, наперед подозревая, что силовое давление на повстанцев будет определяться его присутствием в их рядах. Никого не поставил в известность. Хотя... Может быть этот спесивый малый из группы захвата, Педро, и не все сказал. Может. Но может он и не мог знать. Рус никогда не откроет своих планов, тем более мало знакомым людям. Даже, если они одно дело делают. Чей след мог подозревать брат? Янки – понятно. Их агентуры достаточно, чтобы вести наблюдение профессионально. Но они могут иметь приказ и более конкретный: как тогда в Китае.

Глаза Хан Хуа сузились, и он более осмысленно начал размышлять, чувствуя, что где-то на верном пути в своих думах. Полиции в Парагвае о данном случае уже многое известно. Неделя прошла с того дня, какие-то выводы они де-

лают. Американцы не преминут воспользоваться услугами местных детективов. Нападение на лагерь с политзаключенными прошло с изрядным шумом, хоть и в отдаленной глухой местности. Под репрессии подставят неожиданно подвернувшегося монаха. И, что тоже очень вероятно, группу Хан Хуа. Минометный обстрел, большие потери: это та зацепка, которой воспользуются все, кто причастен к лагерю. И хотя Син пришел какого-то подозрительного около вертолета, чувство, что все прошло очень скверно, не покидало Хуа с момента исчезновения Руса.

Сейчас он смотрел на карту Южной Америки и пробовал предугадать возможный путь брата. Но большущий материк ничего не подсказывал озадаченному уму монаха. Обилие разветвленных рек, масса горных районов, заповедные места, где индейцы жили еще своими доисторическими порядками; города, где цивилизация плотно стояла ногой закона, в массе своей расположились белым пятном на карте. И никакой логики не просматривалось, как ни крути головой. Находясь почти в центре Южной Америки, удобно было раствориться где-нибудь среди добродушных индейцев и, рассказывая им чудотворные сказки о современной жизни, безбедно просуществовать не один десяток лет. Или с ними же совершить интересное путешествие по Паране в Аргентину или Бразилию, где с одинаковым успехом можно затеряться в каком-нибудь беднячком пригороде большого города. Что такое Сан-Паулу, рассказывать не нужно. Огром-

ный промышленный конгломерат заводов, фабрик, контор, складов, подъездных путей на многие десятки миль. Можно в Боливию, но туда труднее.

Расстояния большие. Никаких дорожных коммуникаций. Но, и, наверное, безопаснее. Конкретно карта ничего не могла подсказать. Ниточка, чтобы зацепиться, была одна: Рус уже пребывал в свое время в Уругвае, Аргентине и сейчас вот в Парагвае. Второй раз в эти страны он не сунется. Надо быстрее что-то предпринимать, так как у янки и спецотделов местных регионов людей достаточно: они в каждой узловой точке города и дорог. Они не долго будут в неведении относительно местонахождения Руса. И тут Хуа вспомнил, что Педро настойчиво хвастался, что у них имеются свои люди в полиции, в армии. Монах начал медленно складывать карту. Если Педро не блефует и удачно завершил свое дело в лагере, то найти его будет несложно.

От неожиданно резкого звонка в номер монахи замерли. Они никого не вызывали и не ждали. Хуа подал сигнал ребятам, и двое из них бесшумно скрылись за портьерами, третий за дверью ванной комнаты. Ши пошел открывать дверь.

Вошли трое полицейских.

Глаза Хан Хуа остро и немигающе смотрели на них. Он стоял у окна лицом к входящим. Они, косясь по сторонам, медленно подошли к столу.

Старший, непривычно небритый для полицейского, нагло уставившись на Хуа с уличной грубостью бросил:

– Господа сеньоры, ваши документы, визы на пребывание в стране.

Хуа, не отрывая глаз от вошедших, показал на Ши. Тот не спеша достал кейс, положил на стол, аккуратно по-чиновничьи начал открывать замки.

Резкий щелчок послужил сигналом для всех. Мгновение-три ножа воткнулись в полицейских, как в свиные око-рока. Своего Хан достал прямо в горло одним движением из рукава. Стилет вошел по самую рукоять. У полицейского удивленно выпучились глаза, разинулся искривленно в конвульсиях рот. Некоторое время он силился что-то разглядеть в монахе. Другие медленно поникли на пол, поддерживаемые отроками. Старший повалился после того, как Хуа выдернул нож. Черная кровь фонтаном брызнула на скатерть. Судорожно цепляясь за край стола, как за жизнь, труп с ускорением шмякнулся на пол.

– Рус прав, – глядя на входную дверь, задумчиво произнес монах, – чутье его не подвело. Кто же нас так плотно обложил?

Аскеты быстро обшарили карманы полицейских. Документ был только у одного, старшего. Остальные-при двух пи-столетах, пакетиках с наркотой, под формой тениски с на-цистской символикой.

– Это что-то новое.

Хуа ножом вырезал кусок свастики с майки.

– Надо дать знать настоятелю и Коу Кусину. При чем здесь

наци. Быстро скручиваемся и уносим ноги, рядом наверняка есть их люди.

Монахи, заранее зная, что кому делать, быстро приготовили бесшумные пистолеты, к двери привязали гранату. Сами вышли на балкон. По широкому карнизу прошли несколько окон, влезли в номер. В комнатах никого не было. Открыли дверь в коридор. У их номера, нетерпеливо перетаптываясь, чего-то ожидали еще четверо в полицейской форме. Несколько, почти одновременных щелчков из пистолетов: четыре фигуры скорбно поникли на ковровой дорожке.

По лестнице монахи быстро вбежали на верхний этаж, на крышу. Дома в старой части города стояли кварталами вприпрыжку друг к другу, местами имея общую крышу или метр-два расстояния между зданиями. Им ничего не стоило целый квартал пробежать по крышам и спуститься на грешную, но достаточно устойчивую для неутомных ног, землю. В двух такси они быстро исчезли из опасного города.

– Дальше только в Бразилию, – в каком-то недалёком захолустье, сидя на скамейке у бензоколонки решил Хан Хуа. – Только туда из этой страны удобнее перебираться. И Бразилия более удобна в смысле безопасности. Нам надо сначала в Энкарнасьон. Оттуда через Посадас сможем быстро и без приключений добраться в Санта-Розу. Там есть наши люди. А эти ребятки из наци пусть теребят свои чубы в поисках собственных недочетов. Что-то подсказывает мне, что Русу удобнее пересидеть в Сан-Паулу.

Монах острым взглядом высматривал подходящую машину для продолжения передвижения. Но ее быстрее нашел Син. Он показал на гараж, где стоял американский джип.

Через пять минут они купили его. И немедленно покатались по направлению к границе с Аргентиной. Хан Хуа продолжал думать о выборе пути, все сомневаясь в том, туда ли он решил окончательно ехать. Но после новых размышлений приходил к выводу, что иного пути для Руса, как в Бразилию, быть не может.

Глава третья

Прекрасно растянувшаяся на многие мили панорама великолепного Рио сказочно очаровывала воображение, привлекала милыми красками безмятежного библейского рая. Сверкающими квадратами слепящий белизны высятся у теплого океана дорогие и супердорогие отели, пансионаты, дворцы и казино. Все так завораживающе чудно и поразительно. Бархатная желтизна песка бесконечных пляжей, кристально-голубая вода ласкового моря. Часть заоблачного Эдема, случайно оказавшаяся на земле вот в этом, вроде бы ничейном, месте, и над всем этим – с любовью Христос-спаситель с распростертыми, в могуществе своем над миром, руками, с необозримых высот обнимающий покорную паству. Сказка рая – да и только.

Кто не был в Рио, тот не поймет, чем притягателен этот город для богатых. Здесь, касаясь нежного песка, забываешь проблемы и конфликты.

Невозможно представить, что где-то могут происходить несчастья. Что горе так же привычно соседствует рядом с человеком, как и этот по-домашнему близкий песок, на котором сидишь и который не ощущаешь только потому, что безмятежно отдыхаешь и ни о чем постороннем не думаешь.

Рио, Рио... – город воспетый высоко и нежно любящими

его. Паруса, подвластные зовущему ветру, манящие за туманную даль лазурного горизонта. Сердце отчаянно рвется и ликует, кто только не был очарован этим поэтическим местом Вселенной. Имеющий деньги никогда не проедет мимо красавца Рио. Отсюда он увезет домой радость, оптимизм, уважение к миру и спокойствию.

Так и дочь мадам Вонг, имя которой пока еще не значится в полицейских досье и церковных книгах, по-ребячьи сумасбродно тащила от умиротворенной идиллии города влюбленных и мечтателей. Вся ее возвращенная злоба, высокомерие к людям, чувство высокорожденной пропадало, когда она опьяненно вдыхала огненную страсть бесшабашного города-курорта. Она становилась добрее, терпимее. И несмотря на то, что материнское рычанье и истерика по поводу и без повода генетически завязли в ней, как заноза в самом больном месте, красоты и общественная доброта города меняли ее положительно. Подчиненные и прислуга гораздо реже слышали срывающиеся с ее уст резкие, хамские словечки и матерщинные приказания. И это при всем том, что она много ездила по странам и континентам. Но здесь бывать еще не случалось. И вот волею прихоти, проказницы-судьбы оказалась в райском месте Южной Америки. И сразу навсегда и беззаветно полюбила этот чудо-город, чудо-сказку для принцев и принцесс.

Здесь она не смогла вспомнить, что, ее в конце концов принесло сюда. Только на третий или четвертый день ей,

уоставшей, но шумно переживающей от впечатлений, осмелились напомнить о сути пребывания в этом прекрасном городе. Дочь долго лежала на балконе, уставив блаженно хитрые глазки в манящие дали голубого горизонта. Она даже сначала не поняла, чего от нее хотят и почему ее об этом спрашивают. Но сознание медленно приводило память на рабочий лад. Недовольно глянув на служанку, она все же без злобы проговорила:

– Что ты думаешь, я уже совсем закомплексовалась в рулетке и забыла, зачем приехала? Время меня не торопит. – Дочь игриво помахала пальчиком на служанку. – Но мы сегодня же вечером вызовем наших охранников. И они доложат нам все, что узнали за эти дни. А ты лучше подумай, чем нам заняться сегодня. Просмотри рекламные проспекты, выбери что-нибудь поновей, поэкзотичнее. Дочь снова надолго уставилась с тахты, на которой бесстыдно возлежала обнаженной, в прозрачные дали неизвестности. Неожиданно встрепенулась, внимательно всмотрелась в служанку, оценивая ее внешность.

– Слушай, псина, может, ты тоже положила глаз на моего монаха? Попробуй только. Я тебя сразу сдам в дом терпимости, сука. Ясно?

Руки еще совсем молодой девушки задрожали, и она робко запротестовала:

– Как можно, госпожа, я ведь его еще в глаза не видела.

Дочери было скучно. Она притворно прищурилась. – Я

его тоже еще не видала. А вас я знаю, шкур таких. Попробуй только когда-нибудь подмигнуть ему.

– Вы что, госпожа, разве я смею. Я еще вообще не собираюсь думать о мужчинах, – растерянно лепетала служанка.

– Говори, говори. Это ты моей мамаше можешь зубы заговаривать. Она добрая старуха. А мне!.. – дочь резко вскочила. – А ну раздевайся. Оценим твою фигуру.

Девушка пристыженно замерла. Она смертельно боялась госпожу, и еще стыдилась чисто по-девичьи своей наготы.

– А-а, вот такая ты можешь многим голову заморочить. Самцы скромных любят. Ну и кобыла. Не стой, раздевайся, а то отхлещу по лицу, как базарную бабу. Не заставляй меня повторять приказания. Бритвой рожу попорчу, ясно.

Служанка несмело скинула с себя халат, потупя взор на пол.

– Ну и стерва. Еще жеманишься. Фигура у тебя так себе. Грудь низкая, отвисшая. Одевайся. Но – хитрая. К фотографам бегаешь?

– Вы что, госпожа.

– А откуда у тебя такие манеры фотомодели, мимика. Сама детская невинность.

– Не знаю. Не должна же я развязной быть. Вы меня прогоните тогда.

– Правильно. Молодец. Я как-то и не подумала. Ну ладно, не обижайся. Это я чего-то от безделья психанула. Знаешь, мы бабы все завистливые и самодурки. Когда найдешь себе

ухажера, я тебе денег дам и на свадьбу, и на приданое. Ступай. Просмотри журналы.

Служанка, накинув халат, быстро упорхнула из комнаты.

Дочь подошла к краю лоджии. Теплый ласковый ветерок развеивал ее вьющиеся локоны волос. Она блаженствовала и настойчиво думала свое. Только глаза бесстыже смеялись. Не опасаясь никого, победно процедила сквозь зубы: "Я ей сделаю фигуру. Отдам матери. Пусть старушата вместе".

Подошла к телефону, набрала номер комнаты своего врача.

– Слушай Цой, зайди ко мне и заодно принеси гормональные препараты для роста груди и вообще для полноты.

Было еще три часа пополудни. Пора было готовиться к вечернему рандеву, но мысли настойчиво возвращали ее к прошедшему эпизоду.

– Почему я такая злая? Хорошая служанка. Что она мне плохого сделала? А я, как мамаша. Пока не отойду со своей черной завистью, не успокоюсь. Моя красота не чета ей. Какая она конкурентка? Просто еще ребенком держится. Все юное проходит. Жизненные тяготы делают лица злыми, постными, отвратительными. Хотя, – дочь вспомнила свою мать, – ей скоро шестьдесят, а привлекательности у нее на десяток молодых особ. И злая, и красивая. Это, наверное, от одиночества. Дичает. Никто из нее не пил кровь по-настоящему, кроме меня. Ну, ладно, что это я, пора готовиться к вечерним развлечениям.

Дочь сняла трубку телефона, вызвала массажистку-косметолога.

Глава четвертая

Первое письмо полковника Чана

Генерал удивленно посмотрел на неожиданно резко появившегося в дверях полковника Линя. Тот быстрыми короткими шажками пересек расстояние от двери до стола и со свойственной ему скромной таинственностью и чуть заметным субординационным поклоном головы подал шефу небольшой конверт. Он уже был распечатан.

– От полковника Чана из далекой Бразилии, – с каким-то шутовским подтекстом доложил офицер.

Генерал косо и подозрительно посмотрел на подчиненного, на конверт.

– А почему оно?.. Вы что, читали?

– На внешнем конверте стоял адрес моего племянника. Но, внимательно изучив его, понял, что оно может быть адресовано только вам. Чего-то опасается наш друг, раз так серьезно перестраховывается. Да и написал... Не иначе у него под тамошним солнцем крыша накренилась. Или девки до ума...

– Может быть, – остановил генерал, – с ним все может быть. Чан – очень своеобразная личность, хотя и не дурак. И все же он многого не хочет понимать.

Полковник любезно вынул из конверта совсем небольшой

листок, на котором более, чем придурковато было написано: – "Бразилия, господа, очень скверная страна крикливых обезьян и сонных бездельников. Ягуары давно не водятся. Кругом испарения болот и нестерпимая жара от пустынь. Рио такой же непутевый, как и его обитатели. Никто ничего не делает, ничем полезным не занимается. Все поголовно гуляют, танцуют, бесятся, пьют мадейру, баб за юбки таскают. От дикой музыки голова ходуном ходит. Тяжко приболел от перемены климата. Жить охота. Тут с одним типом бутылки собираем. Выгодно. Хочется хороших девок, а платить нечем. Высылай, дорогой папаша, не скупись, бабу с бабками. Отсыпаясь на пляже. Совсем забыл, чего сюда притащился. Решили податься на фазенды подрабатывать. В Сан-Паулу предлагают работенку: пыльную, но денежную. Хочу обзавестись законной женой. Есть одна мулатка: зверь баба-огонь и лед. Но нечем завлечь. Она очень богатая, а у меня последние трусы и те дырявые. Стыдно в борделе приличном показаться. Но зато тепло, как у нас. Размаривает. Месяц-второй, совсем местным амиго стану. Привет старым завистникам. Не думайте, что здесь только один кайф. Днимают разные болезни, проблемы и проститутки. С коммунистическим приветом, блудный сын и любящий кузен".

– "Чан-Кай-Кок".

– Ну, что ты скажешь на это, дорогой? – Генерал обиженно откинул письмо. – Срам. Это докладывает полковник китайских спецслужб. Идиотство. Докатились.

– Ничего у них видно не получается, – задумчиво теребил свои маленькие очки Линь. – Нужны деньги, нужен еще один человек. наших командировочных явно не хватает. На самый дешевый номер не хватает, раз отсыплются на пляже. И это полковник китайских спецслужб. Докатались. Так и засветиться не мудрено.

– Ты меня не поддевай. Сам знаешь, какие у нас средства. А почему он нас старыми завистниками обзывает? – очень резонно вскипел шеф.

– Это не нам. Он шутит. Это тем, кто несвоевременно заглянет в это письмо. Чего-то очень остерегается, – примириительно успокаивал полковник.

– Хорош подчиненный. Свои обиды на нас валит. И мы ему подшутим. Пришлем мелкие юани, пусть покрутится. Шутник. И прошу вас, товарищ Линь, так составьте ответ, чтобы ему попрacticalнее думалось. Контрразведчик. Пацан уличный какой-то. Наверное, на след не попал, раз про ягуаров упомянул. Переменил тему с обиды на дело генерал.

– Скорее всего. – Уверенно подтвердил Линь.

– А чего он про гулящих, пьющих. К чему это все?

– Есть две причины: первое – сейчас в Рио карнавал. А второе, – полковник помолчал, не решаясь прямо что-то говорить. Но видимо служба перевесила и он, выделяя слова, медленно проговорил: – Резидентура наша ловчит, делает больше видимость работы.

– Ах, да. Да-да, – шеф, забыв свои прежние укоры, стал

злым, недружелюбным. – Кто там у нас по Южной Америке? Майор Ха? Что-то давно он мне ничего не приносит по Латине. И я забыл наказать Чану, чтобы он заодно проинспектировал нашу агентурную сеть.

– Видимо уже проконтролировал, раз так резко не доволен.

– Молодец. Догадался шельмец. Все же поумнел. А вам, полковник, я ставлю задачу: проверить весь отдел по Южной Америке вместе с майором. Никаких поблажек. Надоели. Полный отчет мне через три дня.

Генерал нервно застучал ногтем по коробке из-под карандашей.

– Если Чан в Сан-Паулу подался, значит, там будет продолжать свои поиски. А фазенды причем?

– Наверное, и оттуда какую-то информацию черпает.

– А насчет бабы чего это он?

– Видно, долго пробудет в Америке.

– Не выдумывай. Скорее всего, новое неожиданное лицо появляется. Все остальное у вас, полковник, пока логично. Как это вы друг друга по намекам понимаете? Ну и волки. Надо было вас туда вместе посылать.

Хотя, кто мне потом бы переводил ваши фривольные сочинения. А почему огонь и лед?

– Наверное, где-то уже стреляли и Чан об этом знает.

– Не понимаю. Убей, не понимаю: с чего ты это все берешь. А трусы? Бордель? Это к чему?

– Нужны смокинги. В высокие круги метит, – уже твердо и серьезно продолжал Линь.

– Здесь можно согласиться с твоими выводами. Но он хитер. Ловко намекает. На наших-то харчах. Мы и сами с тобой еще не прочь какую бабенку завлечь для пользы страны. – Генерал повеселел и раскованно захихикал. – А это, что его донимают болезни, проститутки?

– Полицейские. Да и мало ли еще кто?

– Но он меня все же достал: завистники. Тебя это не обижает?

– А чего обижаться? На школьной бумажке написано. Не гербовая.

– Ну, тогда и пиши ему на такой же бумажке, что он Чан-Кай-Кок, артист и прочее. Кого пошлем к нему?

– Подумаю.

– Донесение составишь, дай почитать. Я ему тоже что-нибудь от Динстона попробую добавить. Сколько до Бразилии самолетом?

– За сутки управляются с пересадками.

– Может парусником отправим через Северный полюс, чтобы знал, плут, как правильно и уважительно депеши писать. Грамотей. Пусть бутылки собирает. Жизнь научит быть учтивее. Как ты думаешь, полковник?

– Так же думаю.

– Не шестери мне. Знаю, что не так думаешь. Сегодня же связника отправляй.

– Будет сделано, товарищ генерал. Сколько ящиков долларов отправлять?

– Не знаю. В каталогах должны быть расценки на самые скромные номера, питание. А на шик свой и баб пусть на бутылках подрабатывает. От меня ему одну пустую бутылку перешлешь.

– И я пачку сигарет.

– С чего это ты такой щедрый. Левые имеешь? Не надо быть щедрее шефа. Спички перешлешь.

– Полковник ведь.

– Какой он к черту полковник. Детство у него еще звонкое и безоблачное. Думаешь, он там делом занят? Напугал меня переводом? И думаешь, я сейчас так взял и раскололся? Не выйдет. На зрелища всякие у него там денег нет. Сразу писать начал, как командировочные кончились. Монахи пусть ему подкинут. Они богаче. Мы бюджетники. Каждая юанька на счету. И пусть не зазнается. Завистниками нас обозвал. Пусть завидует нашей жизни здесь, дома. Скорее вернется. Торопитесь, полковник, ступайте.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – облегченно прошамкал Линь и также скорыми мелкими шажками убрался из кабинета.

Глава пятая

Черный пепел пустыни

Монахи осторожно ступали по раскаленному песку. Сиротливые вышки лагеря тощими скелетами торчали из земли, пугая воображение самой черной фантазией. И только двухэтажное здание казармы с крышей обзора на ней немного оживляли мертвый лик проклятой долины. Лагерь был пуст. Отважный грифон важно расхаживал по вышке над воротами и предупреждающе взмахивал огромными крыльями, напоминая людям о своем присутствии. Следы недавнего боя виднелись везде: рваные пробоины на грузовиках, стенах казармы, проволока ключьями висевшая на столбах, кривые обгоревшие опоры вышек. Трупов не было видно. Но мусор, черный пепел жуткой сущностью вяло шелестился по земле. Кругом все было мертво и загробно тихо. Только любопытный и хозяйственный орел набрался ветоши, развесил ее на перилах вышки. Это теперь было его и он готов был защищать свою скудную добычу.

Монахи остановились у входа в лагерь. Дальше Ван пошел один. Дойдя до бетонного колодца, который служил явно не для питья, присел на край. Здесь он хотел ощутить обстановку лагеря. Определить, в какую сторону может направить мысль свое тело после столь угнетающей местности и

климата. Ван не напрягался. Просто расслабился и логично рассуждал; куда удобнее скрыться из этой пустыни, если она известна по карте. До лагеря Рус жил в Аргентине, в Уругвае. Потом в Парагвае по просьбе оппозиционных группировок. Так передавал связник. Позже он пропал. Китайцы, жившие в Парагвае, ничего вразумительного добавить не могли. Был послан Хан Хуа с молодыми отроками. Но анализ событий настораживал. С сомнениями Коу Кусина все старейшины были согласны.

Ван решил, что его присутствие в Америке более оправдано, чем кого-либо другого. Он сидел, прикрыв веки и ни о чем не думал. Ему вспомнились скитания Руса трехлетней давности. По логике событий выходило, что эта, проведенная экстремистской оппозицией операция была скорее плодом не их тактических разработок, а инсценирована теми же силами, что преследуют Руса на протяжении всего этого длительного времени. В мире ничто случайно не происходит и само собой не совершается. Если бы брат был оставлен в покое, он просуществовал бы эти несколько лет в Латине. И ничего не должно было произойти из ряда вон выходящего. Сейчас Рус остался верен себе и при приближении конкретного врага скрылся один, никого не ставя под удар. Значит, это могут быть только американцы. И, если конкретно, то господин Динстон, крепко обиженный собственными фантазиями и раздутым не к месту апломбом. Пора его укладывать в постель на попечение сиделки. Странное упорство Динсто-

на. Ван поднимет много китайцев в Латине, чтобы напомнить невежественному американцу, что нельзя быть долго злопамятным и обижать большой круг людей, которые могут успешно постоять за себя.

Ван встал, неторопливо пошел к казарме, продолжая рассуждать и изредка поглядывать на одинокого орла. Аргентина отпадает, как страна, в которой Рус многим известен. Уругвай тоже. Боливия-из-за границ, которые предстояло пересечь. Тем более Чили или Перу. Бразилия-да. Эта страна и режимом благоприятна, территория огромная, береговая линия практически свободная.

Гордый грифон шумно взмахнул крыльями, оторвался от вышки и медленно, большими кругами устремился ввысь. Ослепительное солнце не могло остановить высокий полет большой смелой птицы. Скоро только маленькая точка в бескрайней синеве неподвижно застыла над земным пространством, как далеко ушедшая мысль, которую нелегко было вернуть обратно. Ван долго любовался свободой выбора могучего орла. Властелин высот и далей, тот философски сливался с космической синевой, охватывая сполна всю ее своим гордым одиноким присутствием.

– Сан-Паулу, – негромко, но уверенно проговорил он, – скорее всего там. Некоторое время он обязательно будет там, – заставляя утвердиться в своем решении, настойчиво доказывал себе Большой Чемпион.

Он еще раз поискал в небе одинокую птицу. Но ее не так-

то легко было найти. Ярки солнечный свет скрывал ее в бесконечных бликах своих лучей.

Полуденный зной продолжал тяготеть над мертвой долиной: делая ее отталкивающе неземной, мрачной для вольных фантазий. Столбы вышек изгибались от нестерпимой жары, песок глухо хрустел и жутко шипел под редкими порывами ветерка. Кладбищенская тишина пронизывала все пространство ужасающим духом небытия. Время надолго замерло здесь.

Остановилось и солнце. Застыла в изначальной неподвижности земля.

И только люди, влекомые движением непрестанной мысли, тыкались в завесу времени, вершили будничное и раздвигали ширму настоящего, проникая в неизвестное будущее.

Глава шестая

Рус из далекого темного угла сонливо посматривал на детей, дружно работавших ложками над незатейливым супом. И маленький Хуан также усердно трудился над своей пайкой. И его подружки: такие маленькие, что многие куклы по сравнению с ними смотрелись здоровенными девками. За неделю, которую монах провел в этом самодельном приюте, возглавляемом четырьмя довольно уже старыми женщинами, он привык к детям и этим сердобольным боговерующим нянькам. Тех денег, что он отдал им, хватит при экономном использовании где-то на полгода. Предстояло раздобыть себе деньги на дорогу до Индии, для приюта лет на пять вперед. Приобрести документы. На это тоже нужны немалые крузейро. Огромный рабочий конгломерат Сан-Паулу должен помочь. В приюте можно жить, не привлекая липкого взора властей, недругов. Этот полуподвал. Стараниями обитателей был ухожен и чист. И это все на свою более, чем скромную пенсию содержали старые учительницы и врачи. Двадцать три ребенка приютились здесь. Самым старшим было около одиннадцати лет. Как он узнал: после этого возраста дети сами уходили куда-то в неизвестность. Периодически некоторые из них навещали приют: иногда приносили деньги на содержание новых бездомных малолеток. Никто не спраши-

вал их, откуда у них деньги. Дети выросли быстро. Быстро знакомились с жизнью. И быстро узнавали, где и как можно делать баксы. Воровство не считалось чем-то нехорошим. Жизнь требовала свое, и этим требованиям подчинялось все живущее в этом большом городе.

Сейчас Рус даже корил себя, что слишком щедро заплатил индейцам за переход границы. Не предполагал, что так все сложится. Но и не жалел о задержке в приюте. Иначе он и не смог бы.

Монах развернул газету. Он часто читал вслух детям, уверяя их, что это сказки. Нужно было вычитать уйму объявлений, чтобы подыскать подходящее. А для малышей читал так, будто бы сказочник в чужом городе выискивает подходящие места для своих сказок. И он спрашивал ребят, подойдет ли порт или какой стадион для того, чтобы принц нашел себе там дом и невесту. И когда дети, как всегда, дружно кричали «да», он предлагал им новое место. И они снова восторженно кричали «да» и хором соглашались с этим местом. Сказка эта длилась у них целыми днями. Рус фантазировал, дети ликовали, подсказывали. Женщины были спокойны, что хоть в это время малыши никуда не разбредутся по соседним дворам. Но в газетах ничего толкового не находилось. Зато всем было хорошо и интересно.

Центр города монах изучил и планировал на следующий день пройтись в богатых кварталах города. Вечером зайти в казино, в спортзалы. Где-то там должен поймать денежную

жилу, сделать деньги. Выйти на дельцов, подделывающих документы.

Но неожиданное предложение пришло от старшего мальчугана приюта девятилетнего Хосе. Он с восторгом рассказал про готовящиеся соревнования по кэтчу районного масштаба. Про то, как интересно их смотреть. Только вот за вход надо платить. У малыша имелись каким-то образом добытые деньги. Но их, конечно, не хватало. Рус не стал разубеждать ребенка. Прихватив с собой еще Хуана, быстро пошли к спортзалу.

...Там было шумно, накурено, весело. Первые три поединка прошли явно халтурно и возбужденный народец начал злобно роптать. Требовал настоящих боев, острых зрелищ. Чтобы было на кого ставить бабки.

На ринг поднялся ведущий, успокаивающе объявил:

– Уважаемые сеньоры, кабальеро, чтобы у вас не имелось предвзятости и сомнения к проведенным схваткам, мы предлагаем сразиться любому желающему из зала.

Публика бурно и злорадно подняла на смех ведущего и язвенно предложила ему самому сразиться с толстяками. Тот артистично поднял кисть. Зал подчиняясь жесту немного поутих.

– Участвующий получает сто долларов, победитель двести и тридцать процентов от тотализатора.

Зал борзо затрепетал, но желающие не объявлялись.

– Решительнее, смелее кабальеро! Кто из вас? Выходи-

те. Жизнь вы не потеряете, а деньги приобретете. Есть врач, справедливый судья, рефери.

Честная, откровенная речь ведущего перцово взбодрила народ на новые колкости и улюлюканье.

Рус не долго думал, что это его момент, когда судьба дает возможность подзаработать деньги. Он оставил малышей сидеть, подошел со стороны к судейскому столу.

– Уважаемые сеньоры, я желаю попробовать.

Выражение лиц судейской комиссии было не менее выразительно, чем охающий шумок в рядах. Судьи в больших сомнениях поскребывали подбородки.

– Здесь, парень, нет весовых категорий. Насчет здоровья у тебя как. Вернее психики. Такие шальные деньги они частенько боком выходят.

Но дружные аплодисменты в зале подсказали судьям, что публика на полном серьезе поддерживает просьбу желающего.

Главный судья некоторое время в раздумье покарябал карандашом по бумаге, даже насупился, но ухмылку спрятать на лице у него не получалось.

Махнул врачу. Тот нащупал пульс монаха, посмотрел в глаза. Повернулся к комиссии:

– Слишком спокоен. Или не понимает, что ожидает его: или с нервами у него не все в порядке. А так отклонений по здоровью не наблюдается.

– Кто ваши секунданты? – еще надеясь на что-то, деловито

потребовал судья.

Рус, не думая о подтексте, показал на детей.

– Нет, амиго. Ты чего-то совсем не понимаешь. Нужны граждане, достигшие восемнадцати лет. Не дури, ищи секунданта.

Но секундант сам нашелся мгновенно. Один из разбитных малых, каких в достатке всегда ошивается на подобных мероприятиях. Подскочил к монаху и за десять процентов от прибыли предложил свои услуги. Следом подошел еще один в очках.

– Ну что ж, – согласился судья, – три минуты на формальности, на пятую рефери вызовет вас на ринг. С кем желаете встретиться?

– Воля жребия, – с кладбищенским пренебрежением бросил Рус. Он заполнил листок участника. При нем имелся документ на машину на имя какого-то Луиса; его он и вписал туда.

Секретарь прочитал, растянул губы в сарказме, покачал головой, но подписал, показал на ринг.

...Под свет ярких юпитеров вышел спортсмен роста не очень длинного, но весом где-то к центнеру.

Зал встретил обоих дружными овациями. Симпатии публики были на стороне худошавого паренька, но ставки делались на дородного кетчиста.

...Гонг.

Добрый молодец, обученно махая и хлопая толстыми ру-

ками, быстро пошел— на монаха. Упитанный крепыш показывал зрителям, как он обхватит соперника, подкинет его словно деревянную колоду и бросит мощно на ковер ринга.

Но Рус не знал правил новой борьбы кетча: то, что там, в основном, многое условно-и удары, и броски, и все болевые приемы. Когда боец грозно приблизился к нему на расстояние удара, так мощно произвел прямой удар в солнечное сплетение совсем не защищаемое противником, что тот секунды три еще постоял, согнувшись, спазменно хватая воздух побелевшими губами. И рухнул на пол, как подкошенный сноп соломы.

Монах отошел назад, к своему углу ринга. Секундант в бешеном восторге прыгал у канатов. Зрители, еще ничего не понимая, молчали и смотрели на зал. И думали, что противник поднимется и игра-кетч продолжится.

Рефери пригласил врача. Тот подбежал к лежащему. — Жить будет, — не понимая, чего склонился врач над поверженным, слишком спокойно для напряженной ситуации подсказал Рус.

— Дурак ты. Правил не знаешь. — Махнул рукой лекарь.

Монах подошел к судьям.

— Разве я что-то не так сделал? Не так, как они?

Те переглядывались друг с другом, не зная, что ответить. Борца уже привели в чувство нашатырным спиртом. Несколько человек его группы сочувственно и с усилием несли обмякшее тело спортсмена за кулисы.

Зал зашумел. Требовал нового поединка. Соперника покрепче, порезвее. Секунданты Руса удовлетворенно подсчитывали деньги за победу и гонорар. Посмотрели на монаха: по его знаку подбежали к судейскому столику и дали согласие на очередной поединок.

Судьи не стали уклоняться. Шок первых минут прошел, подбиралась затаенная злоба к самозванному борцу. Быстро назвали следующего спортсмена.

Рефери пояснил Русу.

– Бить надо не больно. Так, чтобы падал, но вставал сам. Минимум три раунда положено отработать. Иначе недовольная публика разнесет весь зал ко всем чертям. Она платит деньги и она же играет в тотализатор, и она же хочет видеть зрелище не одну секунду, а все пять раундов.

– Вот ты, – показал он на монаха, – одним ударом отхватил двести долларов и пару тысяч с тотализатора. А публику не порадовал, не удивил, не заставил ее покричать. Ей так неинтересно. Понравится ли такое подвыпившим парням? В состоянии гроги они любой кордон полиции сметут вчистую. Публике надо зрелище, кровь, азарт, нервы.

– Много крови? – также наивно переспросил Рус.

– А где ты ее сейчас много раздобудешь? Заготовливать заранее надо.

Он смотрел на монаха, как на привидение, не от мира сего. И, как хирург с многолетней практикой, терпеливо вопрошал:

– У тебя случайно справка из психушки не с собой?

– Всевышний миловал, – удивил его ответом Рус.

– Тогда без дурацких шуточек. Вот тебе соперник. – Показал бланк с напечатанной фамилией.

Следом судья-информатор объявил залу соперников. Несколько минут ушло на прием ставок в тотализатор. Секунданты все еще считали и делили куш с первого. Ставки по отношению к монаху оказались нулевые. Никто и второй раз на него не ставил. Оргкомитету пришлось выставить доллар, чтобы соотношения цифр не принимали бессмысленные значения. Да, секунданты, по условиям тоже обязаны были выставить минимум по доллару. Сейчас они были на седьмом небе. Собрано всего двадцать четыре тысячи баксов. Тридцать процентов, это семь тысяч долларов их спортсмену: значит доля секундантов по триста пятьдесят тысяч. И это всего за два поставленных доллара. Вот это вечер. Секунданты бегали около Руса, как около родного.

А публика заводилась. Второй атлет был гораздо мощнее первого. Повыше, помускулистее. Симпатии зрителей перешли от жестокого, как им казалось паренька, к мощному спокойному атлету по имени Пабло. Ставки все пошли на мулата. Зрители требовали решительных действий и, главное, победы.

...Гонг.

Второй атлет уже более осторожно сближался с монахом. Левую руку он держал далеко впереди, чтобы не дать воз-

возможности неожиданно сблизиться противнику. Подойдя до двух шагов, рискнул что-то предпринять из своего небогатого боевого арсенала. Но Рус ловко ушел вниз, под руку противника, сверкнула его рука у лица атлета, и отскочил в сторону на солидное расстояние. Борец остался стоять, но из носа обильно пошла кровь. Выбежали секунданты, врач, увезли спортсмена к углу, усадили на стул. Сделали примочки, вставили вату в ноздри. Кэтчист снова вышел на ринг. Покрутил головой, вставляя мозги на место. Растопырил широко пальцы рук и бешено двинулся вперед. Но монах снова виртуозно ушел вниз в сторону и боковым ударом по нижним ребрам заставил борца охнуть и согнуться. Тот некоторое время постоял, потер бока, отдышался принял боксерскую стойку и под дружное подбадривание зала смело пошел на сближение. Сбитого с толку, но играющего на публику здоровяка теперь было не сложно эксплуатировать на зрелище. Атлет внешне смело приближался к противнику, но боязливо водил руками перед собой, стараясь схватить или хотя бы внушительно пнуть кулаком, но находил только пустое место. Монаху оставалось играть в кошки-мышки с оппонентом, ловко манипулировать своим телом, придумывать что-то, чтобы веселее позабавить публику. Он проделал несколько подсечек с инерционным движением противника, и тот, плохо разбираясь в законах физики, с грохотом гремел на настил. Это шоу неистово веселило зловредную, безжалостную к судьбе простоватого оппонента публику. Удар

сбоку в колено, которым монах заставил упасть атлета оказался слишком травмирующим. Кэтчист не смог продолжать бой. Но раунд закончился и за имевшуюся минуту, спортсмену наложили тугую повязку.

Следующий раунд. Но это уже было неинтересно. Боец откровенно боялся. Больше отступал и крутился, стараясь не упустить из виду монаха. И никакие подбадривающие возгласы из зала не могли заставить его активизироваться и проявить себя с лучшей стороны. Он стоял в центре, вытянул руки вперед и только следил за своим визави. Рус находился на расстоянии вытянутой руки, но мулат никак не мог схватить его и зал больше покатывался от смеха, чем сожалел о своих вкладах в тотализаторе. Выловив момент, Рус снова поймал атлета на подножку, тот неловко упал. Сразу не смог подняться. Секунданты подтащили его к углу. Стопа борца приняла красно-синий цвет. Бой остановили. Рефери объявил монаха победителем.

Судья подозвал Руса.

– Тебе, амиго, надо не в кетче выступать. Иди в бокс, каратэ. Ты калечишь людей.

– Сеньор, вы сказали, что надо кровь: она есть. Опять что-то не так?

Судья махнул рукой.

– Ты виноват в том, что ты ничего не знаешь и ничего не понимаешь. Где ты родился? Весь мир знает кэтч, а ты нет. Но ладно. Все в прошлом. С более сильными соперниками

ты не побоишься сразиться?

– Если заплатят, то можно, – тоном договаривающейся стороны охотно добавил Рус.

– Заплатят. Через недели три состоится городской турнир. Если не боишься, попробуй. Может, какой бой и выиграешь. Деньги сделаешь. Подберем противника попроще, с тотализатора куш хороший снимем. Одного боя хватит. Согласен?

– Согласен, – как о чем-то несущественном произнес монах.

Принесли деньги за прошедший бой. Доля победителя этот раз оказалась немного меньше.

– Странно, – удивился Рус.

Главный судья довольно пошевелил губами.

– Я рискнул на второй бой на тебя поставить. Доля, соответственно, каждого уменьшается. Математику знаешь?

– Знаю, – понимающе ответил монах.

– Мне надо было больше на тебя ставить. Я был уверен, что ты все равно будешь по-своему делать. Удар у тебя слишком жесткий. Можно на этом умно сыграть. Скорость поразительная. Вижу, нуждаешься в деньгах. Можем с тобой скоперироваться. Возьми адрес моего спортивного зала, приходи, подготовим более основательно.

– Спасибо, сеньор. У меня своя система подготовки. Скажи: где и когда. Я приду. Ваше дело все организовать.

– Хорошо. Учти, что нас могут выгнать с турнира, но деньги свои мы получим. Вот тебе моя визитка: на ней все напи-

сано. Только не подведи меня. Позвони за день до соревнований.

– Позвоним, – скромно, с акцентом бросил Рус.

Домой он с детьми шел вдохновенно. Зашли в магазин, набрали всякой всячины и на всех. В приюте старушечки ахнули от невиданного изобилия. Накрыли праздничный стол, рассадили детей. Через четверть часа приехала машина, привезла телевизор.

– Это дольше будет удерживать детей в приюте, – пояснил монах удивленным женщинам. – Может вы сумеете еще класс какой для них организовать?

– Сможем. Как же. Мы ведь сами в прошлом учителя, – почти одновременно затараторили женщины. – Деньги только надобно на учебные принадлежности. Но такие суммы. Нам бы кормить более менее постоянно детей.

– На первое время имеется, а там придумаем что-нибудь.

Подключили телевизор. Теперь малыши все сидели возле него.

Рус ушел в дальнюю комнату. Теперь ему дети перестали досаждать, как раньше. Сел, стал размышлять над дальнейшими планами. Выходило, что раньше, чем через месяц все равно у него не получится покинуть Бразилию. Прикидывая, где еще можно было бы раздобыть деньги, неожиданно увидел у дверей самую взрослую девочку приюта Дину. Ей шел четырнадцатый год, и она в полной мере помогала по содержанию детей.

Девушка была тиха, неприметна, и Рус ее даже как-то почти и не видел.

– Рус.

Монах посмотрел на нее.

– Купи мне, пожалуйста, какое-нибудь платье.

Что-то кольнуло у него в груди, и он уже внимательней взгляделся в Дину.

– Купим. Пойдем вместе. Мне как раз нужно завтра в центр.

– Только хорошее, – уже смелее проговорила девушка, но почему-то потупив взор.

– Дина, завтра ты сама выберешь себе платье.

Ее тихое, скромное обаяние трогало его. Она всегда молчала, выполняла в приюте работы младшей няньки. Хотя здесь дети почти все делали сами. Дина подняла глаза. Столько в ее очах было молчаливой просьбы и покорной грусти, что Рус, даже зная, что в любом случае выполнит ее просьбу, поторопился еще раз успокоить, чтобы не видеть на ее лице детского страдания.

– Бабушки экономят. Они боятся, что ты скоро уйдешь, и мы снова будем вести полуголодный образ жизни. Я уже взрослая, а работу найти не могу. Воровать не хочу.

Рус не знал, что можно сказать на эти слова. Он столько видел за эти годы в Южной Америке детских трагедий, столько, страданий, что готов был все деньги мира отдать им, лишь бы не видеть, не слышать детских слез и слов.

– Дина, не думай ни о чем. Завтра мы обязательно сходим в город. Надо посетить кое-какие районы, ты поможешь мне. С тобой ко мне полицейские не будут привязываться.

Глаза девочки засияли, она захлопала в ладоши, весело вскочила и убежала.

Глава седьмая

Раздосадованный Динстон понуро сидел в недостроенном холле большой фазенды с более чем хмурым и злым Скорцени. Перед ним находился уже не тот легендарный громила, любимчик фюрера, Отто Скорцени с гордым и холодным взглядом стопроцентного арийца. Бутылка традиционного шнапса – одно из немногих оставшихся удовольствий старого диверсанта. Тонко нарезанный бекон, небольшая свора псов охотничьих пород, телевизор и... и старые тяжелые думы, пустые надежды на несвершившиеся мечтания. Да и какой человек с большим прошлым не мечтает даже тогда, когда ему завтра уже туда... Больной, убогий человек. Но мысль есть мысль. Она не убивается, не уничтожается, не исчезает, не истощается. Если, конечно, не в больной голове деградирующей личности. Она в поисках лучшего из того, что ей известно и лучшего из того, что имеется. А если и не известно, все равно мечтает, ищет. И это уже не от выдуманной, холодной, совсем не эмоциональной материи. Это от чего-то далекого, всевышнего. Он, оно так заботится, чтобы его паства всегда надеялась и жила ожиданиями светлого, лучшего, вечного. Может это лучшее и есть тот потусторонний мир, о котором хором твердят попы всех без исключений религий. Но не дано об этом знать человеку при

жизни на этом свете. Иначе без мечты, без надежды жизнь превратится в пресный отхожий водоемчик. Тогда уж лучше смерть, небытие. Так спокойнее. И мысль, страждущая и хнычущая, тебя не потревожит.

Так по-философски серьезно и глубоко размышлял старый ветеран вермахта Отто Скорцени. Осунувшийся, оплывший старикан, громко и неприятно чмокавший губами, довольно часто подливал себе шнапса и с удовольствием, даже более традиционно, картинно прикладываясь к старой, армейской алюминиевой кружке с серебряной цепочкой. Взгляд его сохранил какую-то долю остроты, старческой сутяжности. Но сейчас эти высокие атрибуты прошлого и настоящего более походили на застывший взгляд оцепеневшей старой жабы.

Брезгливо рассматривая историческое, с помпезным выкатом глаз существо, Динстон иногда нервно поддергивался. Он с ужасом подумывал: "неужели и он когда-нибудь так опустится". И для своих родных и знакомых будет более походить на героев бальзаковских книг, автор которых более, чем гротескно сумел показать их в отвратительном и неприглядном виде. С отцовским сожалением посматривал на подвыпившего старика. Тот сам себе чего-то ухмылялся и сам же себе время от времени аккуратно подливал. Хмель от такого же угощения довольно цепко тронула полковника: он выпрямился и, настойчиво упираясь нетвердым взглядом в экс-диверсанта, сквозь зубы неудовлетворенно процедил:

– Дорогой Отто, прошу извинить меня, но ваша бригада работает также безграмотно, неуклюже, как и крашенные конторы Южного Китая. – Полковник шумно прихлебнул из граненого фужера. – Чего ты теперь стогнешь? Я предупредал. Надо основательно готовиться. Стрелять первыми.

Скорцени продолжал жевать губами и любовно разглядывать свою помятую, тускло поблескивающую фронтovou подругу. Подлил в нее еще крепленой жидкости. Вся его старческая немощь с чем-то очень упорно боролась внутри. Но он крепился, мотал головой и по новой опрокидывал кружку в раскисший рот. Затем поднял злобные глаза, замутненные временем, пальцами взял кусок бекона. Сипло зашепелявил:

– Ты не предупредал, что будет игра без правил. Следовательно, ограничил нас рамками закона. Мои люди, один наш полицейский погибли от того, что всю операцию разыгрывали на основании законополагающих действий.

Динстон только усмехнулся этим, вполне логичным, обоснованиям.

– Что ты мне несешь? В том, что они обучены и опасны не менее, чем наши командос, я указывал с самого начала. Что они осторожны и не подпускают близко к себе никого, тоже предупредал. Что они стреляют при малейшем подозрении, не один раз напоминал. Этого от них требует жизнь. Они все время в состоянии войны или со своими бандами в Китае, или с пришлыми в горах. Все время на взводе. Вы ведь тоже возглавляли одну из многих экспедиций в Тибет

до второй войны, и прекрасно все представляете.

Скорцени согнулся, больше ссутулился, с невысказанной обидой уставился на огонь камина.

– Ты на меня не кричи. Ты не имеешь право повышать на меня голос. Я Скорцени. Во всей вашей поганой Америке не найдется такого боевика, каким был я. У вас только в кино супермены. А в жизни вы обывательское дерьмо. Из вас лезет чиновничья спесь так же, как когда-то из голов наших генералов. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Погибли мои люди. Понимаешь? Стратег. Посмотрел бы я на твою физиономию. Руководство ваших служб буквально через час отдало бы тебя под суд. Ты подставил нас. Сам в стороне. Борман предупреждал, что полковник Динстон всегда чужими руками каштаны из огня выдергивает. Так оно и получилось. Доблестного слугу фюрера на старости лет подло обманули, как какого отставного. И Интерпол не дремлет.

У Динстона от нелюбезной речи закололо в висках, и он резонно поторопился изменить обиженный ход мыслей старика. Понимал: если дать Скорцени памятью уйти в прошлое, то мелкие амбиции и спесивость защитника нации взбухнут до такой степени, что вернуть его обратно к делу можно будет только на следующий день, когда он окончательно протрезвеет. Приподнялся. Взял кочергу, поковырял в камине головешки, искоса посмотрел на старика. Тот начинал мирно посапывать. Вернулся в свое кресло.

– Не обижайтесь, Отто, – повышенным тоном и резко за-

говорил полковник. Скорцени очнулся, медленно приподнял голову. – И вы правы, и жизнь не дает нам право считаться правыми. Не поносите Америку зря. Вы прекрасно знаете, что старина Мюллер ради самой Америки пальцем о палец не ударит. И должны догадываться, что указания идут не столько от меня и американских госдепартаментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.